В. Крепс, К. Минц

СОКРОВИЩА КАПИТАНА ЕРМАКОВА

Издательство „Малыш" – 1964 г.

SHOUT
SHARE
IT

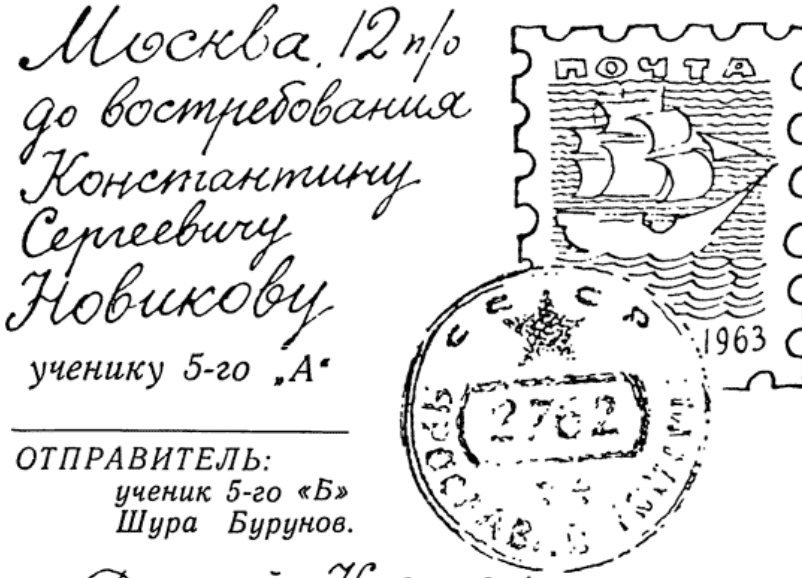
Annotation

Книга написана по материалам популярной в советское время детской радиопередачи «Клуб знаменитых капитанов».

Для младшего и среднего школьного возраста.

- В. Крепс, К. Минц СОКРОВИЩА КАПИТАНА ЕРМАКОВА.
-

В. Крепс, К. Минц СОКРОВИЩА КАПИТАНА ЕРМАКОВА. («Клуб знаменитых капитанов» тетрадь вторая)



Не люблю я писать письма, но тут не могу удержаться. Ты, конечно, помнишь путешествие нашего географического кружка «Алый вымпел» в карстовые пещеры Подмосковья. Как мы нашли старинный сундук... там еще была шпага с позолоченной рукояткой, компас в кожаном футляре и даже головной убор индейского вождя. А потом у костра читали клеенчатые тетради... Не все там можно было разобрать, потому что несколько страниц были размыты морской водой. Это был судовой журнал какого-то таинственного «Клуба знаменитых капитанов». И сам учитель географии Алексей Николаевич не мог разгадать, чей это сундук? Кто его спрятал в подмосковной пещере? Кто писал судовой журнал? Так мы ничего об этом и не узнали...

Представь себе мое удивление. Как ты знаешь, я на лето уехал к бабушке в Ярославль. Как-то раз бабушка посылает меня на пристань за газетами... Подхожу я к газетному киоску и вижу на прилавке... Ни за что не угадаешь, какую книжку!.. «Клуб знаменитых капитанов», выпуск первый — «Свистать всех наверх». Я вместо газет, сам понимаешь, беру книжку и тут же начинаю перелистывать. Оказывается, это одна из клеенчатых тетрадей, которые мы нашли в пещере и читали у костра.

Помнишь, как знаменитые капитаны помогли одному школьнику ответить на самые трудные вопросы по географии? Вместе с мальчиком они плыли по морям и океанам, побывали в Антарктиде и победили «пушечный клуб». Только все это с картинками и напечатано в типографии. Я, конечно, спросил продавца, где остальные тетради. Он ничего не знает. Только слышал, что скоро поступит в продажу вторая тетрадь — «Сокровища капитана Ермакова». Если где увидишь, — купи обязательно для меня. Деньги я отдам, когда приедет папа. Честное пионерское!

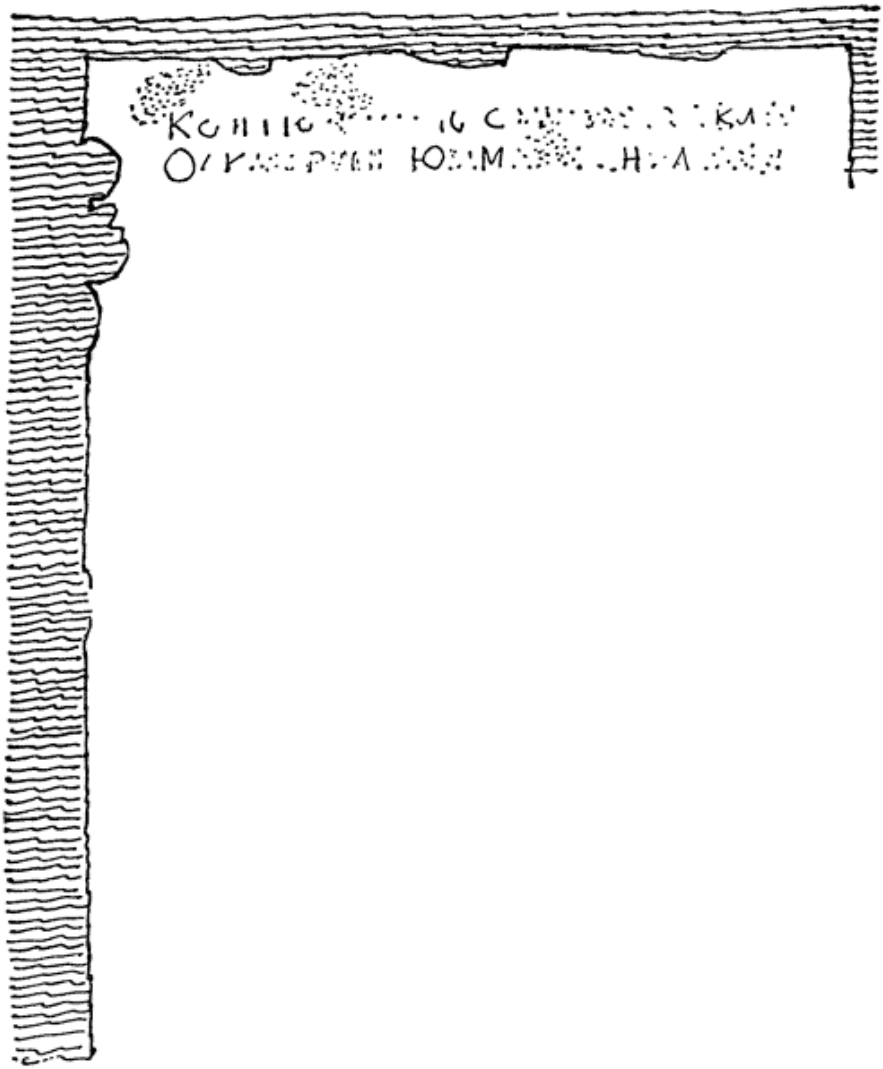
Здесь, в Ярославле, тоже есть Кремль, только маленький и без рубиновых звезд. Я каждый день купаюсь в Волге и катаюсь на лодке.

Твой друг,

действительный член кружка «Алый вымпел»

Бурунов Шура.

Мои координаты: Ярославль, Главный почтамт, до востребования.



...в это очень трудно поверить. Однако все, что здесь написано, — чистая правда. Клуб знаменитых капитанов проводил свои встречи в одной из школьных библиотек на юго-западе города Москвы. Но лишь немногие знали день и час, когда капитаны сходили со страниц детских книг для новых путешествий и приключений.

В мире есть много удивительного и таинственного. И надо сказать, что, когда Марья Петровна и ее помощница Леночка без пяти семь закрывали библиотеку, капитаны на каждом заседании сталкивались с какой-нибудь загадочной историей. Но даже старейший из них, достопочтенный Робинзон Крузо, украшающий книжные полки уже более двухсот сорока лет, в этот вечер был поражен не менее остальных.

Да, они столкнулись с загадкой, которую почти невозможно было разгадать. Скучное это занятие — заполнять судовой журнал, особенно в штормовую погоду, но на сей раз оно показалось необыкновенно увлекательным.

Впрочем, судите сами...

Стоячие бронзовые часы в футляре из красного дерева мелодично прозвенели семь раз. На книжных полках зашелестели страницы.

Раздалась привычная команда капитана корвета «Коршун»:

— Свистать всех наверх!

И мгновенно запели боцманские дудки.

Откликаясь на их зов, из переплетов своих романов начали появляться члены клуба... И, как всегда, первым запел традиционную песенку капитанов наш общий любимец Дик Сенд. Остальные дружно ее подхватили. Сколько раз стены библиотеки слышали эту незатейливую мелодию...

В шорохе мышином,
В скрипе половиц
Медленно и чинно
Сходим со страниц.
Встречи час желанный
Сумерками скрыт...
Все мы — капитаны,
Каждый знаменит!
Нет на свете дали,
Нет таких морей,
Где бы ни видали
Наших кораблей.
Мы — морские волки,
Бросив якоря,
С нашей книжной полки
К вам спешим, друзья.
К вам спешим, друзья!

— Но увы... Не все друзья спешат, — заметил Тартарен, сбрасывая с округлых плеч клетчатый плед. — О, медам и месье, я не вижу в кают-компании барона Мюнхгаузена. Может, немного подождем?

— Ждать Мюнхгаузена? — со скептической улыбкой возразил Робинзон Крузо, усаживаясь в кожаное кресло. — Бессмысленное занятие. Кто знает, какие утки увлекли его в новый полет?.. А быть может, он пересекает океан в чреве кита?

— Все это в равной степени возможно и невозможно. Давайте

начинать! — решительно произнес Немо, занимая свое место за круглым столом.

Тартарен потянулся через весь стол за председательским молотком из черного дерева. Доски стола заскрипели под грузным телом любимца Тараскона. Однако молоток благополучно очутился в его руках, если не обращать внимания на упавшую со стола фарфоровую пепельницу.

— Ну, начнем! — и Тартарен три раза стукнул молотком.

Его остановил недоуменный вопрос пятнадцатилетнего капитана.

— Позвольте, но вы даже не заметили отсутствия капитана Лемюэля Гулливера. Как же можно начинать без него?

— Ну, а если он до сих пор еще в плену у лилипутов? Или участвует в бесконечных научных диспутах на летающем острове Лапута? — высказал предположение Немо.

— Все-таки немного подождем... Это ведь не Мюнхгаузен, а Гулливер. Его аккуратность всем известна. Я уверен, что он скоро явится,—сказал капитан корвета, деликатно забирая молоток из рук Тартарена.

— Пардон, Василий Федорович, я вас не понимаю... Я уже почти открыл заседание... Отнимать молоток у председателя? — удивленно произнес Тартарен, всплеснув руками.

Дик Сенд вскочил со своего места и с юношеским задором воскликнул:

— Давайте, капитаны, вручим председательский молоток тому, кто сможет ответить на какой-нибудь трудный вопрос. Вот например: кто из вас знаком с флагом молодого африканского государства Гана?

— Молодой человек... — с оттенком превосходства усмехнулся Тартарен. — Это известно каждому школьнику. Три полосы — желтая, зеленая и красная.

— Вы забыли, что в центре флага красуется черная звезда, — добавил Немо.

— Я не забыл! Вы меня просто перебили! Что за манера! — запальчиво ответил тарасконец.

Дик Сенд воткнул в глобус маленький флажок ганского государства в точке города Аккры.

— Что означает этот флаг? Почему полосы красного, желтого и зеленого цвета? И что означает черная звезда?

Наступило молчание. Робинзон сосредоточенно набивал трубку. Немо задумчиво глядел на флажок.

— Ну, желтый цвет — это пески, — неуверенно произнес Робинзон.

— Возможно, зеленый цвет — это вода. А красный — солнце на закате, — высказал свои догадки Немо.

— Да, солнце бывает багряным. Но черная звезда — в первый раз слышу, — вздохнул Тартарен, с грустью поглядывая на председатель ский молоток.

Командир «Коршуна», довольно потирая руки, еще немного

выждал, прежде чем высказать свое мнение.

— Вы все не угадали. Впрочем, тут и нельзя гадать. Такие вещи надо знать твердо. Желтая полоса — это знак золота, зеленая — цвет какао, красная — память крови, пролитой борцами за свободу Ганы. А черная звезда — это символ братского единства всех народов Африки.

Тартарен приподнялся с места и с галантной улыбкой вручил молоток русскому капитану.

Василий Федорович постучал три раза по столу и торжественно произнес:

— Заседание клуба знаменитых капитанов считаю открытым.

Внезапно раздался резкий стук в дверь. Все насторожились.

— Уж не вернулись ли наши библиотекарши?.. — опасливо прошептал Тартарен.

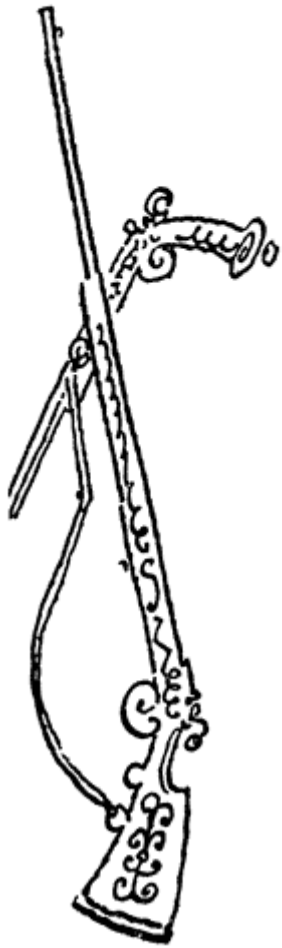
Робинзон пожал плечами.

— Клянусь своей дружбой с Пятницей — это не они! Зачем стучать, когда в кармане лежат ключи!

Снова постучали. На сей раз еще громче.

— К оружию, капитаны! Возможно, это пираты из романа Стивенсона «Остров сокровищ» возвращаются в библиотеку, — воскликнул Немо.

Члены клуба обнажили шпаги и кортики, выхватили из-за поясов пистолеты. Тартарен взялся за ручку огромной сковородки.



Кто-то яростно колотил в дверь кулаками. Затем раздался приглушенный голос:

— Да откройте же, наконец! Это я, ваш старинный друг.

Пятнадцатилетний капитан бросился к двери и открыл замок.

На пороге появился человек огромного роста в черном плаще. Лицо его прикрывала широкополая шляпа.

— Месье Гулливер! — облегченно произнес Тартарен, вытирая со лба холодный пот.

Опоздавший капитан снял шляпу, сбросил плащ, поправил крахмальный воротник и церемонно поклонился.

— Да, перед вами Лемюэль Гулливер из романа Джонатана Свифта собственной персоной, не взирая на все превратности судьбы.

— Вы никогда не опаздывали. Что же случилось сегодня?.. — удивленно спросил капитан корвета.

— Где вы скитались, сударь?.. — с нетерпением спросил Робинзон.

Гулливер уселся в удобное кресло, подвинув к электрическому камину озябшие ноги.

— Достопочтенные капитаны!.. Не будем терять драгоценного времени.

Я прошу всех отнестись к моим словам с особым вниманием и серьезностью. То, что вы сейчас услышите, столь же необыкновенно, сколь и загадочно... Эта история поставила меня в тупик так же, как одно происшествие, случившееся в Дублине в 1726 году, то есть в год моего появления на книжных полках. Как сейчас помню, в ту ночь в Дублине выпал мокрый снег. Вдруг на черепичной крыше ратуши...

— ...показалась зловещая тень человека... — перебил его Тартарен.

— ...с кинжалом в руке... — весело добавил Дик. — Это мы уже слышали сто раз. А что с вами случилось сегодня?

Гулливер нисколько не обиделся.

— Дело не во мне. Сегодняшний случай, правда, несколько напоминает историю шкатулки с рубинами магараджи. Я напоминаю вкратце... Это случилось в Бомбее в 1826 году. В этот день как раз окончился сезон дождей...

Но нам не удалось в сотый раз услышать историю о похищении рубинов магараджи. Резкий стук председательского молотка оборвал плавную речь рассказчика.

— Я лишаю вас слова, — произнес командир «Коршуна». — Нас нтересуют новые истории, новые приключения, новые загадки...

Гулливер встал и сухо ответил:

— Лишать меня слова? В тот момент, когда я хотел приоткрыть перед вами завесу... я бы сказал необыкновенной тайны, тайны драгоценного клада!

— Клада?.. Где же он находится?.. И что там закопано? Когда? У кого ключи от сундука? — как из пулемета застрочил Тартарен.

— Увы! На все эти вопросы ответа пока нет.

— Да не томите нас, Гулливер! Рассказывайте все, что вам известно! — поторопил его глубоко заинтригованный Робинзон.

Герой романа Свифта снял с левой руки манжету, на которой красовались какие-то карандашные записи.

— Извольте. Я находился недалеко от Москвы, в одном научно-исследовательском институте. Один из сотрудников института, некто Синельников, перечитывал историю моих скитаний. Именно поэтому я не мог своевременно прибыть на заседание нашего клуба. Моего читателя навещает гость — достоуважаемый участник научной экспедиции на немагнитной шхуне «Заря». И вдруг я слышу — посетитель передает поручение с борта «Зари». Один из магнитологов, Саша Ермаков, все время в плавании и никак не может попасть на Большую Землю. Пользуясь оказией, он просит своего школьного товарища Алексея Синельникова помочь ему в весьма затруднительном положении...

— Да что же случилось на «Заре»?— не выдержав, перебил

Дик Сенд.

— Это случилось не на заре, а ночью. И не в океане, а в Москве. Скончался капитан дальнего плавания Иван Петрович Ермаков, оставив весьма примечательное завещание относительно судьбы своих сокровищ...

— Сокровищ? Да говорите же, каких сокровищ? Вы долго будете играть на моих нервах, Гулливер?.. Весь Тараскон знает, как я страшен в гневе, — мрачно сдвинув густые брови, заявил Тартарен.

— Спокойствие, любезные друзья. Я успел сделать на манжете некоторые заметки, пока гость с «Зари» рассказывал про это завещание. Вот слушайте: «Я, капитан дальнего плавания Иван Петрович Ермаков, находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю свои сокровища, собранные на протяжении всей моей жизни...». А дальше я, к сожалению, не расслышал, кому именно адресовано завещание...

— Неужели вы больше ничего не записали? — с огорчением переспросил Немо.

— Я успел записать самое главное — местонахождение клада. Вот... «Этот дар хранится в моем родном городе по адресу: Пушкинская улица, 20, во дворе дома моей сестры Аглаи Петровны Ермаковой. Искать его надо в каменном сарае у старого дуба». Итак, племянник старого моряка Саша Ермаков уже больше года в плавании, исполнить волю дяди до сих пор не смог и попросил заняться этим Алексея Синельникова.

Робинзон со вздохом начал разжигать трубку...

— Где же тут тайна? Клянусь глобусом, мне все ясно, как морская карта!..

— Есть множество неясных и даже ошибочных карт, — заметил командир «Коршуна».

— Какие же сокровища хранятся на Пушкинской, 20? Золото в слитках? Старинные монеты? Коллекция древностей? Дорогое оружие? — задавал сам себе вопросы Тартарен, но не находил на них ответа.

В глазах Немо промелькнула какая-то искорка.

— И кому завещан клад?.. Родным или друзьям?.. Членам его экипажа?.. Престарелым морякам?..

— Это все не имеет значения. Ведь, конечно, Алексей Синельников поспешил выполнить просьбу своего друга Ермакова-младшего и отправился на поиски сокровищ. А кому передать — он-то хорошо знает... — с большой уверенностью заявил Дик Сенд. — Разрешите манжету, капитан Гулливер. Я на всякий случай занесу ваши записи в судовой журнал.

Тот передал юноше смятую манжету...

— Вы ошибаетесь, Дик. Мой читатель из научно-исследовательского института Алексей Синельников никуда не поспешил. Он вздохнул и сказал: «Поздно. Я уже не успею». Но почему он сказал «поздно»? И так просил передать Саше Ермакову на «Зарю»?

Робинзон пришел в большое волнение.

— Я понимаю, почему он так сказал... Видимо, в самом деле

поздно. Все ясно — сокровища похищены, и сарай на Пушкинской двадцать пуст. Дайте спичку, Тартарен.

Толстяк с величайшей готовностью чиркнул спичкой о подошву и любезно поднес огонь к трубке Робинзона.

Гулливер тотчас вступил в спор.

— Вам все ясно. А мне все неясно. Сплошной туман. С редкими просветами. Видно только одно — без нас дело не обойдется. Для Алексея Синельникова — поздно и невозможно. Но мы, знаменитые капитаны— создание дерзкой мысли и фантазии. И не раз обгоняли ветры и ураганы, пространство и время. Мы можем успеть, чтобы там ни случилось!

Робинзон спокойно уселся в кресло возле камина, явно не собираясь никуда спешить.

— Клянусь попутным ветром, мы можем успеть... Но к чему? Зачем нам эти неведомые богатства, когда страницы наших романов переполнены драгоценными грузами погибших кораблей, сундуками с дублонами, бочонками с пиастрами... А жемчуг и золото подводных глубин всегда в распоряжении нашего друга капитана Немо.

— Вы правы, Робинзон. Знаменитым капитанам не нужны ни деньги, ни драгоценности... Но наш долг — немедленно отправиться на поиски и передать сокровища Ивана Ермакова их законным владельцам, — решительно заявил Немо.

— А вы их знаете? Вам известны их имена? — скептически усмехнулся прославленный отшельник. — Я уже не говорю о том, что сокровища, вероятно, похищены.

— Вы в этом уверены? — строго переспросил Немо. — Надо прежде всего отыскать клад, а наследники всегда найдутся.

Робинзон не смог ничего ответить. А тем временем Тартарен быстро собирал свой походный багаж.

— Медам и месье, скорее в путь! Ни минуты не медля! За мной!

— А куда? — озадаченно спросил Дик Сенд, показывая толстяку запись в судовом журнале.

— То есть, как куда? — удивился Тартарен, заглядывая в журнал. — Тут же ясно сказано: «Пушкинская, 20, каменный сарай во дворе у старого дуба».

Командир «Коршуна» призвал спорщиков к порядку...

— А в каком городе эта Пушкинская улица? Здесь сказано — в родном городе капитана Ермакова. А где он родился?

Воцарилось молчание. Этот вопрос всех поставил в тупик. Гулливер, потирая лоб рукой, тщетно пытался вспомнить подробности разговора, невольным слушателем которого он оказался.

— Гм-м... Действительно, где он родился?.. Человек с «Зари» называл какой-то город, если не ошибаюсь, на букву «б»... Но я был слишком потрясен словом «поздно» и как-то не удержал в памяти название города...

— Умоляю вас, припомните, Гулливер... Может быть, это Брянск, Борисов, Батайск, Бугульма? — раздельно произнес Робинзон.

— Нет, не то...

— Быть может, Брест, Балта, Бахчисарай, Бологое? — высказал свои предположения Немо.

— Нет, нет.

Дик Сенд медленно крутил глобус, поглядывая на территорию Советского Союза. И хотя на глобусе не было названий всех городов, это помогло ему кое-что припомнить.

— А вдруг это Благовещенск? Или Бийск? Борисоглебск? Бобруйск?..

— Не похоже.

И вдруг Тартарен лихо подкрутил усы и, радостно сверкнув глазами, категорически заявил:

— Я знаю! Бухара!

— Могу ручаться, что эти города не были названы, — уверенно ответил Гулливер.

Часы мерно пробили восемь. Маятник неумолимо продолжал свое извечное качание.

Командир «Коршуна» решительно встал и прицепил кортик.

— Ждать больше нельзя. Остается одно — отправиться на борт «Зари», отыскать Сашу Ермакова, найти завещание и узнать,

какой город в нем назван.

— И кому предназначены сокровища, медам и месье! Это не менее важно! — вставил Тартарен, застегивая ремни своего походного рюкзака.

А Робинзон даже и не подумал тронуться с места.

— Куда вы собрались? Мы же не знаем, в каком океане искать «Зарю»? Кому известны ее координаты?

— Мне! — воскликнул приободрившийся Гулливер. — Как раз об этом говорили достоуважаемые собеседники в научно-исследовательском институте. Я запомнил точно и отвечаю за свои слова. «Заря» находится в порту Такоради на побережье Гвинейского залива, неподалеку от Аккры.

— На чем же мы двинемся в путь? — спросил Дик Сенд. — Я предлагаю ваш подводный корабль «Наутилус», капитан Немо.

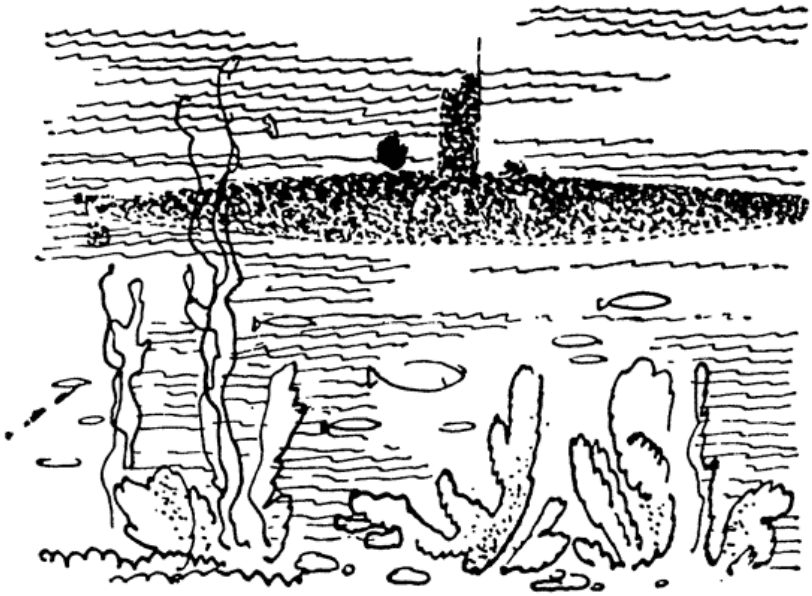
Тот отрицательно покачал головой, увенчанной белоснежной чалмой.

— Кто же не читал «Восемьдесят тысяч километров под водой»? Все знают мой корабль «Наутилус». И вряд ли мы сможем незаметно подойти к борту «Зари». Здесь нужен ровесник этой шхуны. И лучше всего судно под советским флагом. Я предлагаю...

Дальше запись в судовом журнале была размыта. С помощью лупы можно было разобрать конец одной строчки и начало следующей. Очевидно, это были слова «Север» и «янки». Но «янки» тут были совершенно ни при чем. Капитаны очутились на борту «Северянки» — советской подводной лодки. Эта лодка ведет разведку рыбных косяков и изучает жизнь промысловых рыб.

Команды на лодке не было. Это был единственный рейс, когда «Северянку» вел Немо с помощью своих друзей по клубу знаменитых капитанов. Кое-кому может показаться маловероятным, чтобы «Северянка» оказалась в руках героев детских книг. Но для знаменитых капитанов не представляло никакого труда взять со страниц любого романа, повести или даже сказки корабль, припасы, оружие, морские карты, коня или

ковер-самолет.



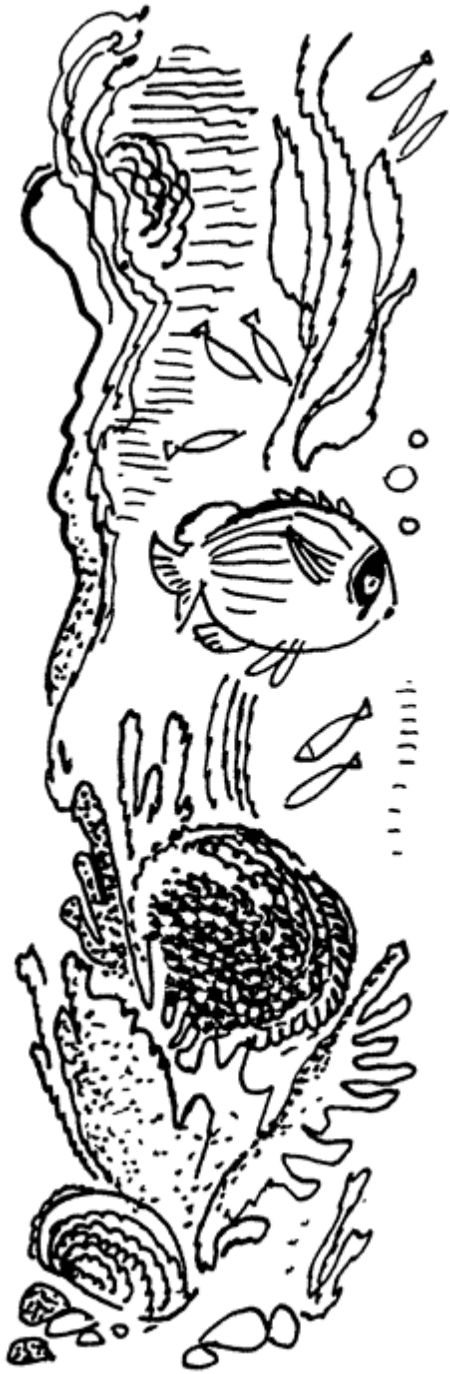
Однажды, помнится, им понадобилась собака по прозвищу Белый Клык из повести Джека Лондона, а в другой раз они пригласили доброго слона из рассказа Куприна. Правда, в клубе прихворнул Тартарен, а не маленькая девочка. Сколько раз милейший мистер Пикквик из романа Диккенса посылал за ними почтовый дилижанс! И сколько ночей они провели в океане на мокрых шканцах «Фрегата Паллады», столь талантливо описанного Гончаровым!

Теперь, когда самые закоренелые скептики не могут более сомневаться в правдивости этих слов, остается добавить, что в тот достопамятный вечер подводная лодка «Северянка» шла курсом

строго на норд, пересекая воды Гвинейского залива. Справа по борту находился великий черный континент Африка. Но в подводном положении это можно было определить, только сверяясь с картами.

Сильные прожекторы освещали путь далеко вперед. В их ярком свете метались потревоженные обитатели морских глубин.

Сквозь смотровые стекла были видны причудливые колонии кораллов, похожие на подземные сказочные леса.



Капитаны как зачарованные глядели то на лиловые, то на зеленые или красные, а порой синие созвездия коралловых цветов.

Конечно, это были вовсе не цветы, а полипы. Эти коралловые

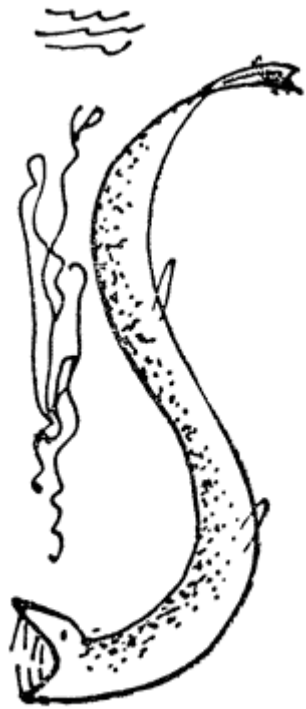
существа по форме напоминают цветы с шестью или восемью лепестками, но это не благоухающие лепестки, а щупальца, с помощью которых полипы добывают себе пищу. У кораллов меню такое же, как у китов. Те и другие питаются планктоном— микроскопическими инфузориями, рачками, бактериями и тому подобными мельчайшими живыми организмами.

Но вот общее внимание привлекла огромная пятнистая мурена, похожая на гигантского угря, длиной около трех метров, с открытой хищной пастью, наполненной бесчисленным количеством зубов. Вспугнутая появлением подводной лодки, мурена прекратила погоню за многоцветным морским петухом и скрылась в темной расселине коралловой постройки.

Такого же размера барракуда, удивительно напоминающая щуку, и не подумала спасаться бегством. Она кинулась в атаку, пытаясь с ходу разбить смотровое стекло...

— Бр-р... не хотел бы я встретиться с этой крошкой лицом к лицу,—сказал Тартарен, отшатнувшись от окна. — Взгляните на эти ужасные зубы. Даже мурена мне кажется несколько симпатичнее.

— Едва ли это так, — поправил его капитан Немо. — Барракуда не знает страха и дьявольски энергична. Однако мурена гораздо опаснее. Известно множество случаев, когда мурена стаскивала людей со шлюпок и нападала на водолазов. Пасть этого хищника никогда не закрывается. Слишком уж много у нее зубов. И, кроме того, укус мурены ядовит... Она ищет добычу не только в тропических водах, но встречается в Средиземном море и даже у южных берегов Англии.



— Выходит, мурены опаснее акул? — с некоторым сомнением заметил Дик Сенд.

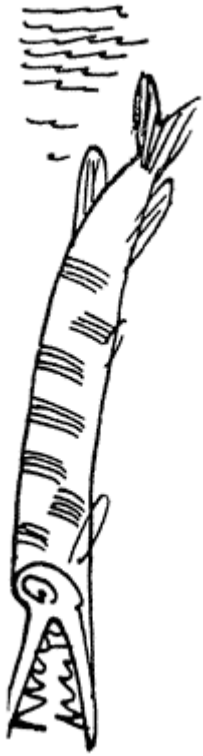
— Те и другие хороши, — вмешался Робинзон. — Не позавидую тому, кто повстречается с белой акулой, метров двенадцати длиной, так называемой акулой-людоедом. Представьте себе, у нее несколько сот зубов, по четыре

сантиметра каждый.

— Не знаю, как было с вами, — самонадеянно заявил Тартарен. — Меня акула не пробовала. Но я ее ел! Суп из акульих плавников! Пальчики оближешь. А мясо? Если не знать, что это кусок акулы, можно подумать — какая прекрасная осетрина! Но скажу честно — акульей икрой никогда не лакомился.

Капитан корвета улыбнулся.

— И никто не лакомился, дорогой Тартарен. Акула икры не мечет. У нее родятся живые акулята.



Гулливер не принимал участия в этом разговоре. Его внимание было целиком приковано к картам и приборам. Наконец, оторвавшись от экрана радиолокатора, он торжественно произнес:

— Достопочтенный капитан Немо, мы находимся на траверзе порта Такоради. Цель нашего путешествия близка.

— Прожекторы гасить! Готовиться к всплытию! Продуть цистерны! — скомандовал капитан «Наутилуса», нашумевшего на страницах романа «Восемьдесят тысяч километров под водой», но, к сожалению, несколько устаревшего за последнее время. Не секрет, что подводная лодка «Северянка» обладала многими примечательными достоинствами, которые не предвидела

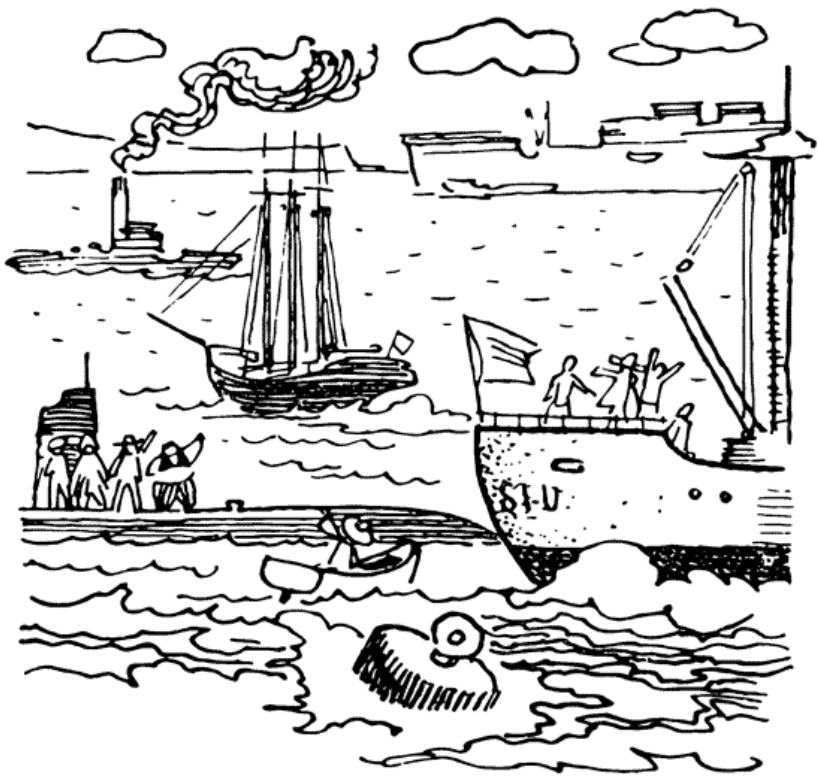
фантазия Жюля Верна.

На «Северянке» была аппаратура, дающая возможность вести наблюдение как под водой, так и на ее поверхности, чувствительные гидрофоны, улавливающие самые слабые звуки, и многое другое из чудес современной техники. Не было только минных аппаратов и тарана, которым «Наутилус» топил вражеские корабли, и вообще никакого оружия. Ведь «Северянка» — это единственная в мире подводная лодка, оборудованная в чисто научных целях.

Помощь рыболовным судам и изучение жизни моря — вот ее задачи.

Но в этот достопамятный день с борта «Северянки» не велись наблюдения за косяками промысловых рыб и не изучалась работа новых тралов. Нет! Целью этого удивительного рейса были поиски сокровищ капитана Ермакова.

Лодка всплыла на поверхность в нескольких кабельтовых от портового волнолома. Открылся люк, и капитаны вышли на палубу, мгновенно просохшую под жаркими лучами тропического солнца. Они в бинокли и в подзорные трубы осмотрели все суда, стоявшие у причалов, но, увы, среди них не было ни одного парусника, напоминающего шхуну «Заря».



Капитан корвета долго разглядывал пузатый лайнер под

голландским флагом, затем перевел трубу на советский танкер «Некрасов». За кораблями открывалась панорама большого современного порта, сильно выросшего после недавнего освобождения Ганы от британского владычества.

Совещание на палубе «Северянки» длилось недолго. Капитаны решили разделиться: Немо и Робинзон остались на лодке, а капитан корвета с Диком Сендом отправились в шлюпке на берег, чтобы разузнать, куда ушла «Заря». В последний момент к ним присоединился Тартарен, объявив себя крупнейшим знатоком африканских дел.

Шлюпка с тремя знаменитыми капитанами пришвартовалась возле рыбачьей пристани. Они вышли на берег и смешались с пестрой разноплеменной толпой моряков и туристов, путешественников и бродячих торговцев. Никто не обращал внимания на их костюмы. Малиновая феска Тартарена, мундир капитана корвета и камзол Дика Сенда выглядели весьма скромно среди пестрых индийских сари, цветных кенте — праздничной одежды ганцев, сенегальских тюрбанов и клетчатых мужских юбок гостей из далекой Шотландии.

Оглушенные шумом портового города, особенно после безмолвия морских глубин, капитаны шли мимо бесконечных рядов уличных торговок. Те кричали на разные голоса, предлагая свой нехитрый товар: кокосовые орехи, вареные плоды маниока, связки бананов, очищенные от кожуры апельсины. Здесь же можно было купить спички, табак, рыболовные крючки, коралловые бусы, дешевые ткани, цветные платки и серьги, брошки, кольца, браслеты, сделанные искусными руками ганских мастеров-

Среди покупателей лавировали женщины с поклажей на голове. Руки у них были свободны. Даже школьницы несли свои тетради и чернильницы на головах.

Вокруг продавщиц всякой снеди резвились маленькие ребята. Недаром уличных торговок в Гане называют «мэмми», что означает мама.

Капитаны спрашивали многих встречных — не знают ли они, куда ушла шхуна «Заря»? И была ли она вообще в Такоради? Но ни регулировщик на перекрестке, ни шофер такси, ни швейцар у подъезда большого отеля, ни парикмахер, куривший у дверей своего заведения, ничего не знали. Только мальчишка-газетчик на лету ответил, что видел советский парусник в порту еще сегодня утром. Больше от него ничего нельзя было добиться, как он ни морщил свой черный лоб, покрытый испариной.

В этот момент задержавшийся у лотка с жареной рыбой Тартарен услышал французскую речь. Два рослых моряка в беретах с помпонами выбирали коралловые ожерелья, со смехом примеряя их на своих загорелых шеях.

Словоохотливые моряки из Марселя тут же рассказали нашему тарасконцу, что «Заря» стояла рядом с их пароходом «Орлеанская дева» и часа два назад снялась с якоря курсом на Аккру.

Дальше события развивались с волшебной быстротой. Тартарен юркнул в лавку старьевщика и выскочил оттуда в огромном сомбреро, прихватив под мышку еще две такие же соломенные шляпы для своих друзей. И уже втроем капитаны примкнули к группе туристов из Южной Америки. Многие из них носили сомбреро. Это прекрасная защита от палящих лучей солнца. Спросите любого мексиканского пеона.

Голубой туристический автобус быстро мчался по асфальтовому шоссе в столицу Ганы Аккру.

Капитаны уселись в задние кресла, стараясь держаться подальше от своих веселых спутников. Они смотрели на тропические заросли, на тенистые ущелья и на морской берег с рыбачьими лодками, куда временами выходила дорога.

— До Аккры всего сто пятьдесят миль. Я уверен, что мы там застанем «Зарю» и раскроем тайну клада капитана Ермакова, — тихо сказал Дик Сенд.

— О, мой мальчик! — грустно возразил Тартарен. — Не увлекайтесь. Мы можем не застать «Зари» — это раз. Племянник старого моряка Саша Ермаков может не оказаться на борту — это два. Завещание может быть утеряно — это три. И множество других сюрпризов судьбы — это четыре, пять, шесть и так далее до бесконечности...

Их разговор прервал звучный голос гида. Это был молодой высокий африканец в белоснежном костюме с микрофоном в руке.

— Наше молодое государство подняло флаг независимости лишь в 1957 году. Английская колония Золотой Берег стала Республикой Гана. История Ганы известна со времен средневековья. Ее описывали многие арабские путешественники еще в десятом веке. Но Гану завоевали берберы-магометане, вторгшиеся в страну с севера. Древняя столица государства Кумби — Сале была разрушена и занесена песками... А теперь, сеньоры, разрешите прочесть вам слова из речи нашего президента доктора Кваме Нкрума... «На заре христианской эры, задолго до того, как Англия стала значительной державой, наши предки создали великую империю, просуществовавшую до одиннадцатого века. Известно, что ученые пользовались в этой империи большим почетом... была широко развита торговля

медью, золотом, текстильными изделиями и украшениями из золота и серебра. Мы гордимся именем Ганы не только потому, что это наше романтическое прошлое, но и потому, что это имя вдохновляет нас на будущее...»

Автобус плавно затормозил возле ветхих стен старинной крепости.

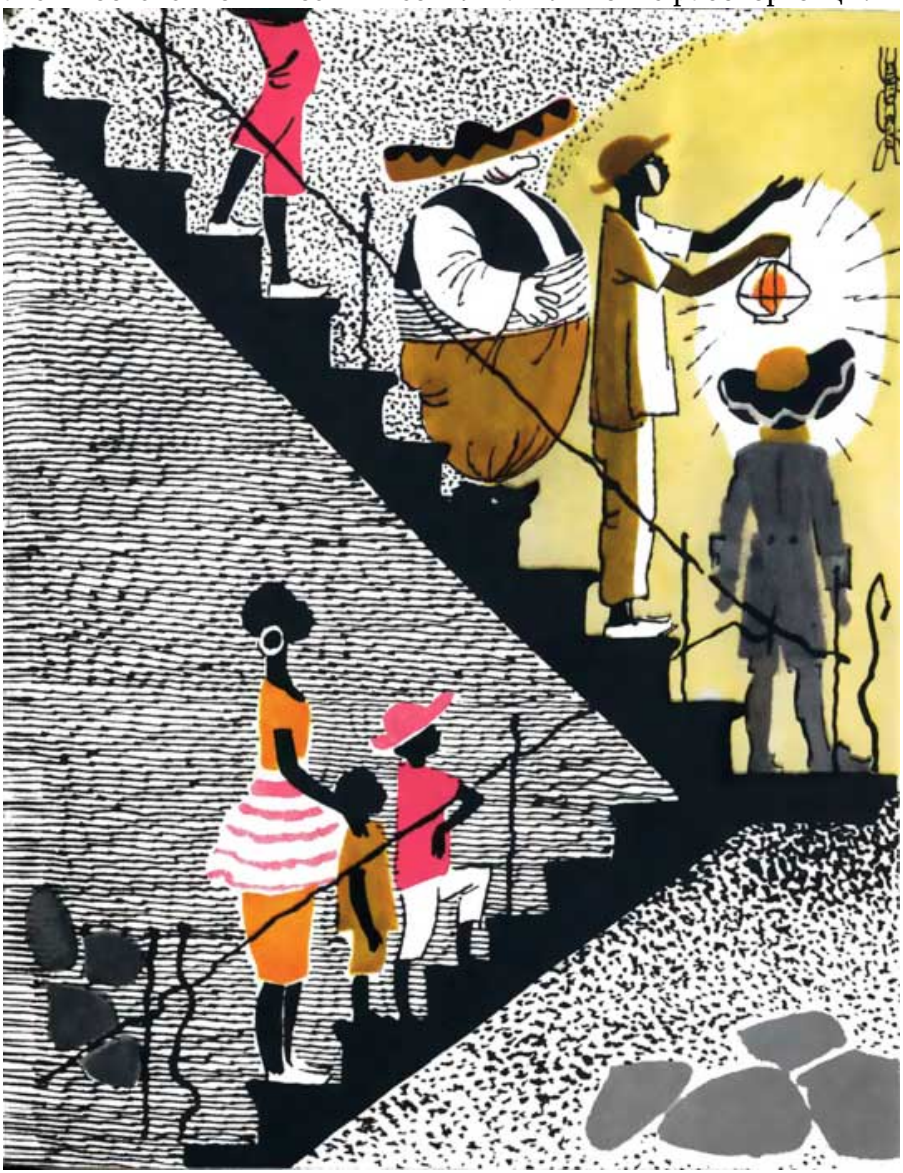
Гид пригласил туристов осмотреть крепость Эльмину, построенную португальцами в конце пятнадцатого века, за десять лет до открытия Америки. Это был первый из двадцати семи укрепленных замков, воздвигнутых колонизаторами на земле Ганы.

Захватив фотоаппараты, гости из Южной Америки шумной толпой двинулись по подъемному мосту через глубокий ров, на

ходу снимая на пленку башни и бастионы.

Капитанам пришлось следовать за ними — ведь автобус все равно стоял на месте в ожидании путешественников.

Члены клуба вместе со всеми прошли через покрытый потрескавшимися плитами двор, затем гид зажег яркий электрический фонарь, и туристы спустились вниз в каменные «магазины», где когда-то хранился особо ценный товар — черные рабы для отправки на американские плантации. Торговлю людьми вели португальцы, голландцы, шведы, датчане, немцы, затем постепенно их всех вытеснили английские работорговцы.



При свете фонаря были видны покрытые вековой сыростью

стены и столбы с обрывками ржавых цепей. Из казематов туристы вышли через узкий проходпрямо на морской берег. Этим путем гнали рабов для погрузки в трюмы кораблей. Здесь пленные африканцы могли в последний раз вдохнуть воздух своей родины.

Пока путешественники занимали свои места в автобусе, гид рассказал, почему эта страна называлась Золотым Берегом. Отсюда вывозилось много золота, и сегодня еще добыча золота составляет восемьдесят процентов горной промышленности страны. Но вскоре на смену желтому золоту пришло «черное золото» — рабы. Торговля рабами была прибыльнее, чем добыча золотого песка. А в наши дни главным богатством свободной Ганы является «зеленое золото» — бобы какао. Гана — королева какао. Так что любители шоколада, конфет и какао с молоком или без молока должны быть благодарны трудолюбивым ганцам.

Блистательная мысль Тартарена — присоединиться к туристской группе — на проверку оказалась далеко не столь блистательной. Она стала угрожать провалом всего плана. Хотя Аккра постепенно приближалась, но все еще казалась недосягаемой. Автобус делал одну остановку за другой.

Правда, было очень интересно посмотреть на отлично сохранившиеся строения бывшей датской крепости Христианберг и узнать от гида, что здесь теперь находится резиденция главы правительства Ганы.

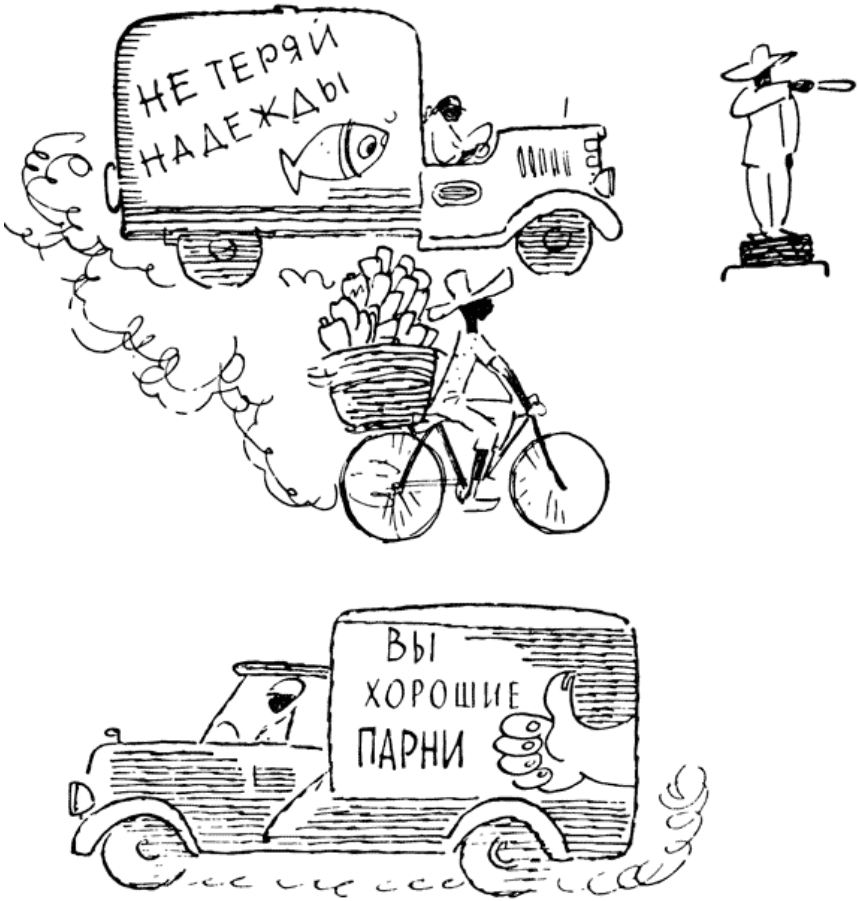
По обеим сторонам дороги тянулись зеленые плантации какао, банановые рощи и заросли кокосовых пальм.

Но когда автобус в десяти километрах от столицы завернул к белоснежным зданиям университета на склонах холма Леон, капитаны, не сговариваясь, поняли друг друга и решили отстать от любезного гида, которому хотелось как можно больше рассказать о своей прекрасной стране.

Было бы неверно думать, что капитаны потеряли интерес к наукам. Нет! Но у них сейчас была другая цель. Они бежали по пыльной дороге, все более удаляясь от нарядных зданий молодого университета, в сторону Аккры... Уже ненужные

сомбреро валялись в придорожной канаве, когда капитаны промчались мимо мыловаренного завода...

Их обгоняли грузовики с принятыми в Гане надписями на бортах сообразно вкусу владельцев машин: «Не забудь меня». «Путешествуй и смотри», «Вы хорошие парни», «Не теряй надежды»...



Капитаны метнулись в сторону, чтобы пропустить оранжевый автофургон с бодрым призывом на кузове: «Никогда не спеши».

Выбившийся из сил Тартарен с трудом перевел дыхание.

— Я больше не могу. Я втрое старше вас, Дик, и вдвое тяжелее. И если уж говорить всю правду, я могу сколько угодно сидеть в засаде на львов, но бегать, как страус... увы, это не мое призвание...

— Но это была ваша идея — сомбреро, автобусы, туристы...— возразил капитан корвета.

— Моя! — с гордостью подтвердил толстяк. — Однако мы

уже почти в Аккре. И завещание месье Ермакова почти в наших руках!.. Ах, если бы не эта проклятая одышка...

В этот момент около них затормозила открытая легковая машина. За рулем сидела молодая африканка в европейском платье.

— Вы русские? — спросила она, поглядывая на сюртук и фуражку капитана корвета.

— Вы угадали. Я русский моряк, — с достоинством ответил герой повести Станюковича.

Девушка открыла дверцу.

— Значит, вы наш друг. Садитесь. Я вас подвезу. Вам не в Аккру?

— Куда угодно, мадемуазель. Только не пешком, — выпалил Тартарен, первым забираясь в машину.

И через несколько минут капитаны уже мчались по оживленным улицам столицы Ганы. Они проехали мимо здания парламента, суда присяжных, кооперативного общества, национальной библиотеки. Мимо них проносились высокие отели, новые школы, красивые жилые дома.

— Я везу вас в порт, — любезно сказала девушка, обращаясь к командиру «Коршуна». — Ваш корабль, вероятно, стоит на рейде?

Василий Федорович не успел ответить, потому что Тартарен, хитро подмигнув ему, брякнул:

— Мадемуазель, вы угадали. Мы эти... ну... магнитологи со шхуны «Заря»...

Девушка очень огорчилась.

— Вы опоздали... Я работаю на радиостанции и сама слышала — советская шхуна «Заря» без остановки в Аккре проследовала курсом на экватор. Как же вам теперь быть?..

К сожалению, морская вода очень плохо действует на чернила.

Целых две страницы судового журнала клуба оказались совершенно испорченными. К еще большему сожалению, никто из нас не мог припомнить, каким образом три капитана покинули Аккру? Как они вернулись на борт «Северянки», где томились в ожидании Немо, Гулливер и Робинзон? Но не это самое важное звено в истории поисков клада капитана Ермакова. Важен сам факт, что «Северянка» шла курсом строго на экватор, напрягая до предела свои двигатели, а на борту вновь находились все члены клуба знаменитых капитанов, кроме барона Мюнхгаузена. В судовом журнале не было до сего времени никаких упоминаний о его координатах.

И вообще кто может знать, откуда прибудет Мюнхгаузен? Куда он исчезнет? И когда это произойдет?

Итак, «Северянка» удалялась от берегов Ганы, держа курс на юг. За кормой тянулся пенистый след. Стайки летающих рыб выскакивали из воды и, описав дугу в воздухе, снова исчезали в волнах. Но внимание капитанов было поглощено другим. Они любовались травянистой зеленой саванной, раскинувшейся вдоль побережья.

Вскоре берега уже начали таять, исчезая в туманной дымке.

Устроившись поудобнее возле верхней рубки, Дик Сенд приводил в порядок свои записи. Оторвавшись от судового журнала, пятнадцатилетний капитан обратился к своим спутникам:

— Я записал так: мы пробыли в Гане всего несколько часов. Но как изменился Золотой Берег с того недавнего времени, когда над молодой республикой был поднят трехцветный флаг с черной звездой — флаг независимости и свободы! Эта маленькая страна с населением всего в шесть миллионов человек имеет большое будущее.

Юношу перебил уверенный голос Гулливера:

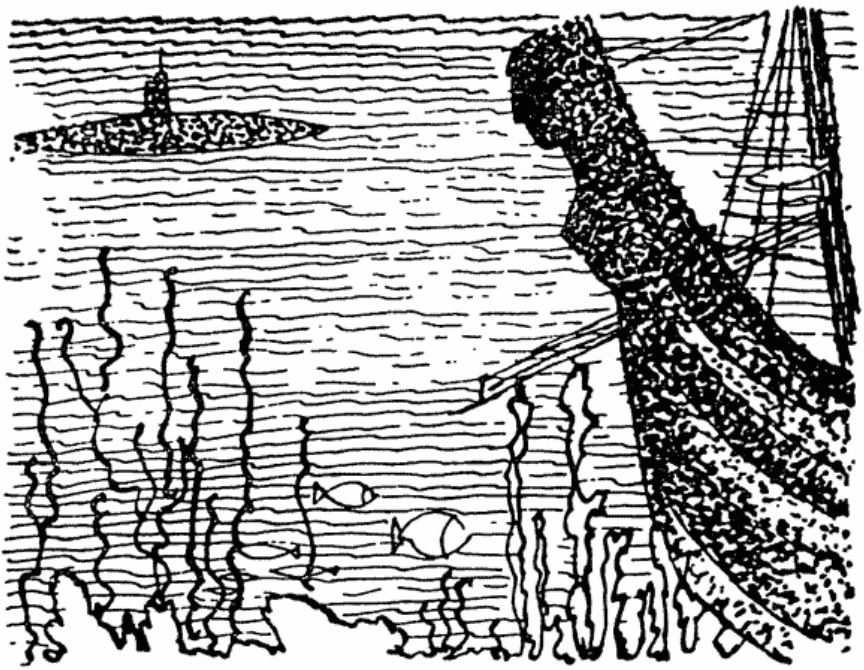
— Все правильно, любезный Дик, кроме того, что это маленькая страна. Гана по своим размерам не уступает Великобритании, а земли ее гораздо богаче. Достаточно вспомнить, что в Англии нет ни золота, ни алмазов, ни марганца, ни бокситов. Там нет банановых рощ, кокосовых пальм и плантаций какао. Все это вывозит Гана.

Внезапно налетел шквалистый ветер, как это часто бывает в Гвинейском заливе. Капитаны схватились за поручни, но шляпа Гулливера была унесена за борт. Теперь стало ясно, почему так резвились летающие рыбы. Это верный признак наступающего шторма.

Пришлось быстро идти на погружение. Как известно, в глубинах моря всегда «хорошая погода». Но и в «хорошую погоду» подводных путешественников подстерегает множество опасностей...

Внезапно луч прожектора осветил какую-то темную громаду, висевшую в воде... Немо успел положить руль на борт, и лодка круто свернула направо, но там возвышалась, похожая на скалу, незаконченная постройка кораллов — фундамент будущего острова.

Немо искусно провел «Северянку» через узкий проход, отделявший коралловую колонию от темной громадины. Это был затонувший когда-то фрегат с поломанными мачтами. Сквозь опутавшие корпус водоросли можно было увидеть зияющие пробоины от пушечных ядер.



Огромный пролом открывал картину разыгравшейся здесь трагедии. Трюм был забит скелетами, закованными в цепи. На носу красовалась полусгнившая деревянная фигура — голова женщины. Капитаны успели прочитать название корабля — «Эсмеральда». Нетрудно было догадаться, что это был невольничий корабль, затонувший после схватки с каким-нибудь пиратом, пытавшимся отнять у «законных владельцев» черных рабов.

Не успела «Северянка» выйти на открытую подводную дорогу, как из гидрофонов раздался сильный шум. Это было похоже и на шипенье масла на сковородке, и на треск горящих сучьев.

Тартарен с аппетитом втянул воздух.

— Неужели на камбузе что-то жарят? Может быть, креветок? О, это такая вкусная еда. Особенно в масле.

— Вы угадали, — улыбнулся Немо. — Это креветки. Только они далеки от сковородки, Тартарен. Известно ли вам, что креветки очень скандальные особы? Когда они поднимают шум, вы не услышите гуденье винтов и двигателей. Не раз военные подводные лодки.спасались от преследования, испугавшись скопищ звучащих креветок.

А из гидрофонов раздались звуки скрипок. Изумленные капитаны переглянулись.

— Скажите, месье Немо, а на скрипке тоже играют ваши креветки? — саркастически спросил Тартарен.

— Нет. Эти звуки издают полосатые зубатки при помощи своего плавательного пузыря, выдавливая из него пузырьки воздуха. А в китайских водах живет рыба — циноглоссус... Это своеобразная рыба-оркестр. Она подражает звукам органа, арфы и даже звонит в колокол. Науке уже известны несколько десятков видов звучащих рыб.

Теперь из гидрофона раздался удалой свист, потом кто-то сильно захрапел, но все эти звуки были перекрыты сильными ударами барабана.

Немо поймал в луч прожектора стайку морских петухов, за которыми следовали тропические сцинеиды... Капитаны прильнули к смотровому стеклу.

— Перед вами ансамбль морских петухов, или тригл, —

пояснил индийский капитан. — А вот там, дальше, плывут морские барабанщики — тропические сцианиды. Впрочем, с барабанным боем плавает по морям и другая рыба — пятнистая дорада.

Из гидрофонов, заглушая подводный концерт, громко зазвучали баяны. Знакомая мелодия матросской песни «яблочко» разнеслась по всей кают-компании.

— Пардон, месье Немо, это играет рыба-баян? Или, быть может, рыба-аккордеон? — осведомился тарасконец.

Ему ответил капитан корвета.

— Баяны играют на «Заре»...

На поверхности воды показался бурунчик... Это «Северянка» подняла перископ вблизи от немагнитного парусника. Перед знаменитыми капитанами проплыла стройная шхуна с светло-серым корпусом. Верхняя часть шхуны и все надстройки были выкрашены белой эмалью. Между лакированными мачтами висели флаги расцвечивания. С бака доносилась музыка и веселый гул.

— «Заря», — прошептал Дик Сенд. — Завещание капитана Ермакова в двух кабельтовых с подветренной стороны.

Баянисты, видимо, не жалели пороха: музыка становилась все громче. Ее даже не мог заглушить топот матросов, танцующих «яблочко».

— Неужели все это в честь... гм-м... одного из нас? О-о, я вспоминаю мое возвращение в Тараскон из Сахары!.. — скромно потупив глаза, заметил Тартарен.

— Да, если вас считать богом Нептуном. Тогда в вашу честь сейчас на «Заре» идет традиционный морской праздник по случаю пересечения экватора, — весело ответил Гулливер.

— Но как же нам незаметно пробраться на борт шхуны? — поглаживая бороду, спросил Робинзон. — Праздник праздником, а вахта вахтой.

Есть идея. Мы пригласим на помощь физика Гриффина из романа Герберта Уэллса «Человек-невидимка», — и с этими словами капитан корвета снял с полки книгу в обложке, украшенной фантастическим рисунком.

Раздался шелест страниц... Из переплета медленно вышел закутанный с головы до ног человек. Широкие поля фетровой шляпы скрывали его лицо. Он носил большие синие очки с сеткой. Лицо его было забинтовано, оставался неприкрытым только розовый остроконечный нос. Низ лица был закрыт шелковым платком, из-под которого торчала трубка.

— Я слышал ваш разговор, капитаны. И вряд ли я могу вам быть полезен. Моя аппаратура частично разбита, частично

сгорела во время пожара в главе двадцатой моего романа «В доме на Грейт-Портленд стрит». И я не могу вас сделать невидимками.

— В этом нет никакой надобности, достопочтенный Гриффин. Мы обращаемся к вам с покорнейшей просьбой. Что вам стоит доплыть до «Зари»? Пробраться в каюту Саши Ермакова и узнать координаты клада его достойного дяди?.. — вмешался Гулливер.

Кому неизвестно, что Гриффинбыл склонен ко всякого рода озорным и даже опасным поступкам? А на сей раз его как физика по специальности еще увлекала мысль побывать на борту немагнитной шхуны.

Не ответив ни слова, он быстро сбросил одежду, снял бинты и фальшивый нос. Нельзя сказать, что перед капитанами предстал Человек-невидимка, просто никто не предстал, потому что ничего не было видно. Напутствуемый добрыми пожеланиями, Гриффин скрылся в выходной камере. Дик Сенд задраил за ним люк.

Через несколько минут на поверхности воды показались легкие круги. Это плыл Человек-невидимка...

Членам клуба оставалось только терпеливо ждать его возвращения. Робинзон долго разглядывал силуэт «Зари», прежде чем задать недоуменный вопрос.

— Достопочтенные капитаны, мне не совсем понятно назначение этой шхуны... Парусный корабль и всего в шестьсот тонн... И для чего он сделан немагнитным?

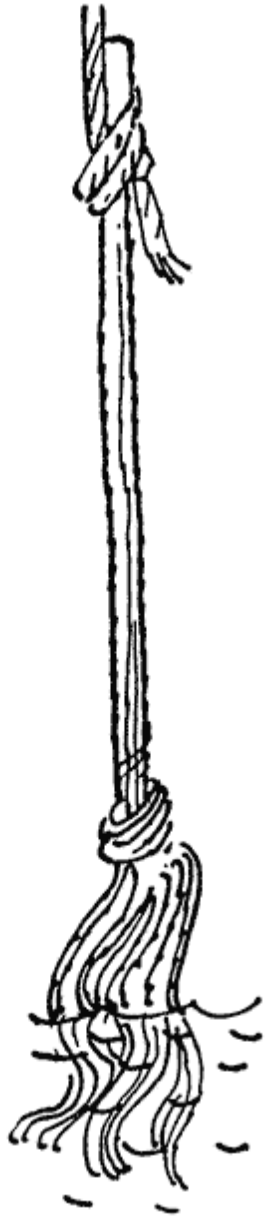
— Дружище, Робинзон, — ответил капитан «Коршуна», — как известно, кроме географических полюсов, на Земле есть и два магнитных полюса. Отклонение стрелки компаса от истинного севера или юга называется «магнитным склонением». Это склонение различно в разных районах, и его должны знать моряки, летчики, а также космонавты. Кроме того, во многих местах земного шара существуют магнитные аномалии... Да и само магнитное поле Земли с течением времени изменяется. Все это изучают, производя магнитные съемки. На суше это просто. Ну, а на морях и океанах — другое дело. Современные стальные корабли имеют собственное магнитное поле, которое искажает точность наблюдений. И вот американцы построили первое немагнитное судно-яхту «Карнеги», но оно погибло в 1929 году. После этого только Советский Союз сумел построить современную немагнитную шхуну «Заря», законченную в 1952 году. На этом судне нет железных деталей, даже якоря; цепи, поручни и тросы сделаны из цветных металлов и немагнитных сплавов. И, однако, шхуна имеет отличные мореходные качества.

— А каковы же результаты плаваний «Зари»? — с интересом спросил пятнадцатилетний капитан.

«Заря» произвела магнитные съемки во многих районах

Мирового Океана, — пояснил Немо. — Появилась возможность внести исправления в магнитные карты для морской и воздушной навигации, особенно в картах Южного полушария. «Заря» открыла доселе неизвестные науке магнитные аномалии. Очевидно, под морским дном таятся грандиозные залежи железных руд. И, наконец, «Заря» изучает прохождение радиоволн и космических лучей в открытом море.

Пока капитаны вели этот разговор в салоне «Северянки», Человек-невидимка подплыл к корме шхуны и уцепился за конец швабры, спущенной за борт на тросе для промывки. Теперь Гриффину было нетрудно выбраться на палубу...



Мимо него шла диковинная процессия ряженых во главе с «Нептуном» в тоге из простыни, с длинной мочальной бородой и с трезубцем в руках. За ним следовали его «приближенные» в причудливых одеждах из водорослей. Процессия остановилась возле огромной купели... Поднялся веселый смех и визг. «Нептун» потряс трезубцем, и в купель бросили в одежде одного «новорожденного»— научного работника, впервые пересекающего экватор.

Когда промокший до нитки новичок выбрался из купели,

матрос, переодетый нимфой Амфитритой, выглянул из большой бутафорской раковины и с чувством прочитал грамоту:

«Дано сие любезному сердцу нашему кандидату физических наук Александру Ермакову, племяннику нашего любимца капитана дальнего плавания Ермакова, в отраду перехода с высочайшего нашего соизволения из северных широт необъятных владений наших в широты южные через границу, экватором нареченную. Бог морей и океанов Нептун».

И только «нимфа» хотела вручить грамоту молодому магнитологу, как чья-то невидимая рука вырвала этот листок бумаги и унесла в сторону открытого трапа...

Матрос в греческой тоге кинулся вдогонку за листком, думая, что это шутки ветра. Он протянул руку, чтобы схватить летящую в воздухе грамоту, как вдруг неожиданный толчок в грудь сбил его с ног...

Вздорный характер Гриффина и здесь отвлек его от настоящего дела.

Но на сей раз все обошлось благополучно. Падение «нимфы» вызвало дружный хохот и аплодисменты. Моряки подумали, что это все входило в программу представления.

Человек-невидимка проскользнул в салон-лабораторию, где были установлены магнитометры для измерения сил земного магнетизма, двойной магнитный компас и другие важнейшие приборы. Даже под потолком висел какой-то цилиндрический прибор в метр длиной. В салоне было пусто.

Похищенная грамота бесшумно плыла по воздуху. Тишину нарушали только легкие шаги босых ног. Невидимая рука

открыла одну из боковых дверей с табличкой «А. С. Ермаков и В. П. Иванов». И тут же дверь тихонько закрылась.

А на палубе боцман распекал бывшую «нимфу Амфитриту», уже снявшую простыню и венок из водорослей.

— Это ты так драишь палубу?! — указывал он пальцем на следы босых ног у трапа. — Да еще на экваторе! Два наряда вне очереди.

Виновник пытался оправдываться, говорил о каком-то таинственном ударе, но кто мог в это поверить?

В маленькой каюте, где одна над другой были привинчены две койки, Человек-невидимка лихорадочно перебирал все бумаги. Очевидно, поиски были безуспешны. Тогда Гриффин начал снимать со стен все фотографии, переворачивать их, вынимать из рамок... Но никаких следов завещания капитана Ермакова ему обнаружить не удалось. Наконец невидимый посланец знаменитых капитанов положил на стол фотографию пожилой женщины с добрым лицом, повязанной оренбургским

платком. Внизу под портретом виднелась надпись: «Дорогому Сашеньке Ермакову от тети Аглаи. Братск, 8 июля 1959 года».

Человек-невидимка повесил портрет на место, по своей привычке разговаривая сам с собой: «Поручение выполнено, милейший Гриффин. Это мог сделать только я! Тетя Аглая — это сестра капитана Ермакова, а город на букву «б» — Братск!».

Невидимые руки аккуратно положили на стол грамоту бога морей и океанов, затем легонько скрипнула дверь...

На палубе праздник был в самом разгаре. В купель бросали очередных жертв Нептуна, а вернувшаяся в свою раковину Амфитрита вручала им грамоты.

Собачка Тузик веселилась не меньше всех. Как вдруг, что-то почуяв, она с громким лаем кинулась к левому борту, пытаясь укусить кого-то, хотя возле борта никого не было.

Лай привлек общее внимание. Но дальше произошло нечто совершенно загадочное. Тузик взлетел на воздух, как будто подброшенный сильным пинком ноги, и угодил прямо в купель.

Секундой позже раздался другой, гораздо более шумный всплеск.

«Нептун» и боцман перегнулись через фальшборт и увидели след, который оставляет за собой пловец.

— Акула!.. — высказал предположение «бог морей и океанов». — Дай гарпун, Вася!

— Зачем? — пожал плечами боцман. — Я не вижу никакой цели. Просто играет волна.

Так Человек-невидимка избежал большой опасности — Нептун был отличный гарпунщик.

Через несколько минут Гриффин благополучно вернулся на страницы романа Уэллса, сообщив членам клуба название города, где хранится заветный клад.

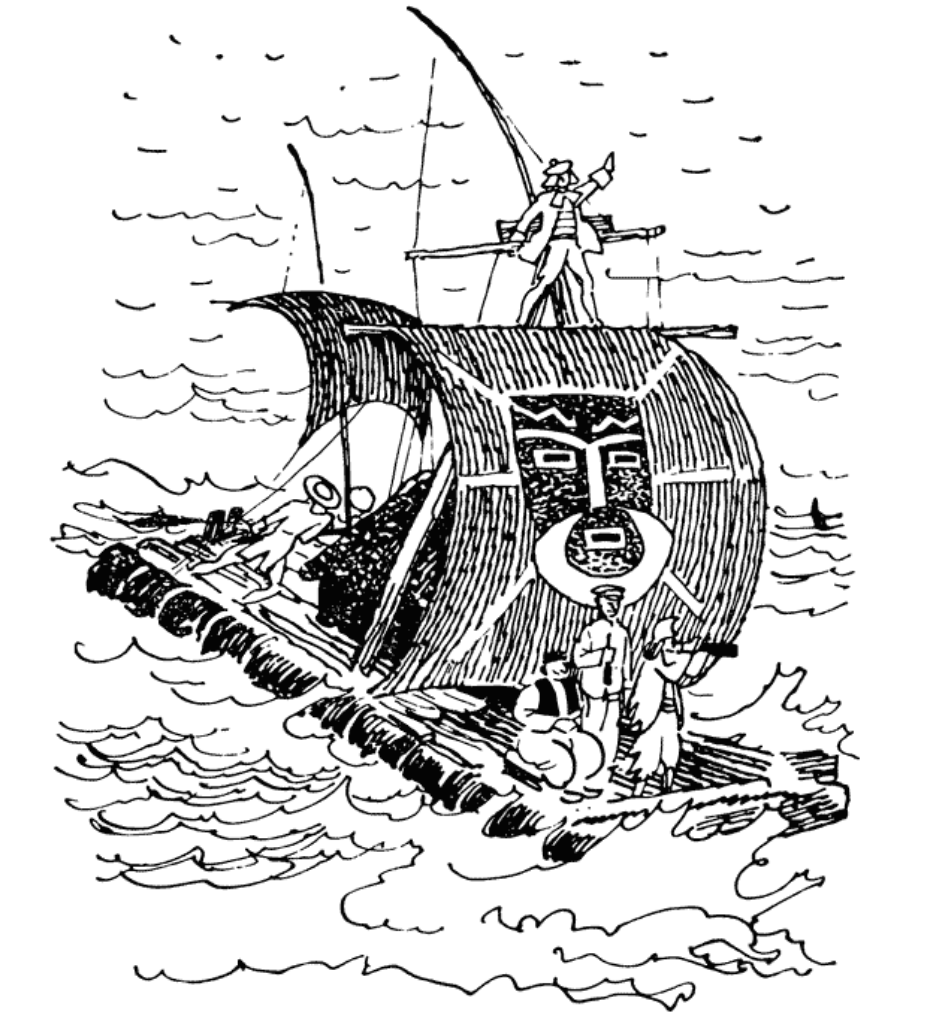
Им было ясно, что при всех достоинствах «Северянки» путешествие на ней по порожистой Ангаре было бы весьма затруднительным, да и само появление подводной лодки во внутренних водах Сибири могло привлечь излишнее внимание. Нужен был плот, и капитаны, мысленно перебрав своих соседей по книжной полке, остановились на книге норвежского ученого Тура Хейердала «Путешествие на Кон-Тики»...

Кое-кого может взволновать судьба «Северянки», оставленной без команды в Гвинейском заливе. И совершенно напрасно. Она продолжала покачиваться на волнах, приобретя свой первоначальный вид, — цветной фотографии из журнала «Огонек», со страниц которого и была взята для этого удивительного путешествия.

А оригинал, с которого был сделан снимок, — подлинная

«Северянка» в это время шла по следу огромного косяка сельдей в Баренцовом море.

По живописной реке, несущей свои могучие воды посреди сибирской тайги, медленно плыл плот «Кон-Тики».



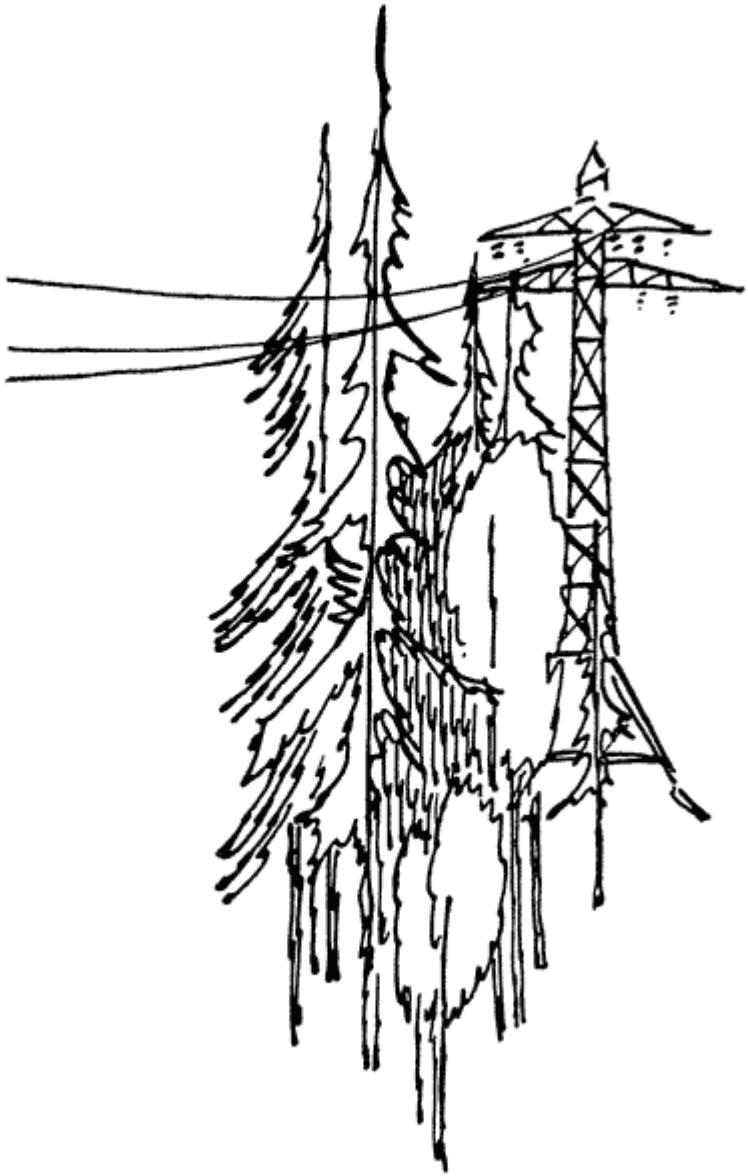
Свежий ветер надувал четырехугольный парус со знакомым нам по кино изображением древнего перуанского вождя — сына солнца Кон-Тики. Несколько странно было смотреть на этот плот в наше время, но казалось, что загадочные глаза Кон-Тики были удивлены не меньше, разглядывая прибрежную тайгу.

А посмотреть было на что. От одного берега Ангары до другого — добрый километр...

Множество зеленых островков плыли навстречу плоту. Вековые лиственницы, гигантские кедры и корабельные сосны тянулись к облакам.

Капитан корвета постучал молотком по рулевому веслу.

— Заседание клуба знаменитых капитанов продолжается. Дик! Прошу записать в судовой журнал. Плывем по Ангаре. Курс — на город Братск. Цель — поиски клада. Ветер попутный. Скорость — пять узлов в час. Происшествий нет.



— Рыбы тоже нет! — огорченно заметил Тартарен, вытаскивая из воды удочку с пустым крючком. — Но есть вопрос... Зачем норвежские юноши отправились на этом корабле... пардон, на этом плоту через Тихий океан?

— Видите ли, дорогой Тартарен, — ответил председатель клуба,— среди обитателей острова Пасхи сохранились предания, что их предки поселились там более тысячи лет назад. Но откуда они прибыли, каким путем?.. Молодой норвежец Хейердал высказал предположение, что они приплыли из Южной Америки.

— Разрешите усомниться в теории этого достоуважаемого ученого. Как же предки нынешних полинезийцев могли переплыть океан? — удивился Гулливер.

— На чем? — поддержал его пятнадцатилетний капитан.

— Вот на таких плотах, — сказал капитан корвета, указывая на решетчатую палубу «Кон-Тики».

— Это миф! — возразил Немо.

— Сказка! — поддакнул Тартарен, снова забрасывая в воду удочку.

— Легенда! — заметил Гулливер.

— На таком плоту пересечь Тихий океан?.. — с сомнением промолвил Дик Сенд. — Нет, это невозможно!

Этот миф, сказка, легенда стали действительностью, — улыбнулся командир «Коршуна. — Шестерка отважных парней во главе с Хейердалом построила этот плот из бальзового дерева. Оно растет, главным образом, в Центральной Америке и на Антильских островах. Если это дерево высушить, оно становится

вдвое легче пробки. Посмотрите сами — плот построен по древнему индейскому образцу без гвоздей и стальных тросов.

— Значит, это немагнитный плот, так сказать, прадедушка «Зари», — оживился Тартарен.

— Если хотите, да. Но у «Кон-Тики» были другие цели, — улыбнулся русский капитан. — Так вот, смельчаков провожали из перуанского порта Кальяо как обреченных на гибель. Однако через сто дней, пройдя по океану около восьми тысяч километров, они высадились на одном из полинезийских островов.

— Значит, Хейердалу удалось доказать свою теорию о заселении Полинезии южно-американскими индейцами! — изумленно произнес Дик.

— Нет, — возразил капитан корвета. — Наука доказывает другое: родство народов Полинезии и Индонезии, сходство языков и памятников их древней культуры.

— Следовательно, Хейердал ошибался, — сделал вывод Гулливер.

Немо расхаживал по плоту, поглядывая на изображение перуанского вождя Кон-Тики.

— Да, Хейердал не разгадал тайны острова Пасхи. Но его плавание на плоту «Кон-Тики» — одно из самых дерзких и примечательных путешествий последнего времени.

Свежий ветер надувал четырехугольный парус. Нарисованное на холсте изображение божественного Кон-Тики казалось изменчивым.

По правому борту появился поросший кустарником островок.

На прибрежной отмели дымился костер. Какой-то человек в красном камзоле взывал о помощи, отчаянно размахивая треуголкой.

— Пристать к острову! — скомандовал Василий Федорович. Гулливер налег на рулевое весло, и послушный плот приблизился к берегу.

— Мюнхгаузен! — всплеснул руками Тартарен. — Какими судьбами? В каком вы виде! Что с вами случилось? Как вы сюда попали?

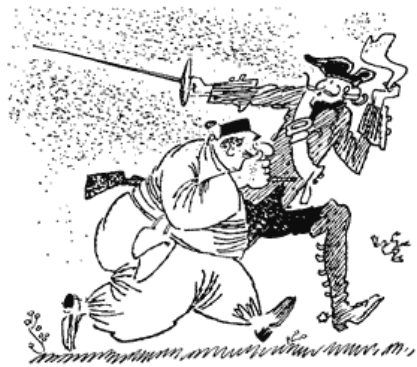
Барон действительно выглядел неважно. Его камзол был разорван. Ботфорты «просили каши». Парик съехал набок. Но Мюнхгаузен держался как всегда — заносчиво и даже высокомерно.

— А что вас удивляет? Самая обыкновенная история... Два часа назад я вылетел из Московской области верхом на ядре. Мой расчет был точен — раньше вас попасть в Братск и преподнести вам сокровища капитана Ермакова, как дамам преподносят букеты роз. Но прицел канонира был менее точен, и вместо Братска я приземлился на этом необитаемом острове. Не завидуйте мне, Робинзон. Вся территория моего острова — это десять на двадцать метров... Ни козы, ни попугая, ни Пятницы. Население острова составляет двадцать миллиардов восемьсот тридцать шесть миллионов четыреста двадцать пять тысяч и шестьдесят две... мошки.

— А дичи на острове нет? — спросил Тартарен, скидывая охотничье ружье.

— Есть! Один экземпляр. Это я — барон Мюнхгаузен. В битве с мошкарой я разорвал платье. Бил их ботфортами. Глушил париком. И все напрасно. Меня спас только дым костра.

В это время целая туча мошкары атаковала капитанов. Пришлось немедленно отчалить и спасаться бегством...



Робинзон, отчаянно пыхтя трубкой, окуривал всех дымом. По мере удаления «Кон-Тики» от острова мошек становилось все меньше и меньше. Но не мошкара занимала сейчас мысли Дика Сенда. Он думал о другом...

— Я не могу прийти в себя от изумления. Откуда вы, барон, узнали о тайне капитана Ермакова? Кто вам подсказал название города? Мы с превеликим трудом установили, что это Братск...

— А я это установил без всякого труда! Честное слово Мюнхгаузена! — перебил его барон, горделиво выпятив впалую грудь и положив руку на эфес шпаги. — Обычная рассеянность нашего друга Гулливера приводит иногда к печальным результатам. Он даже не заметил, что я тоже находился в том же научно-исследовательском институте во время разговора о завещании...

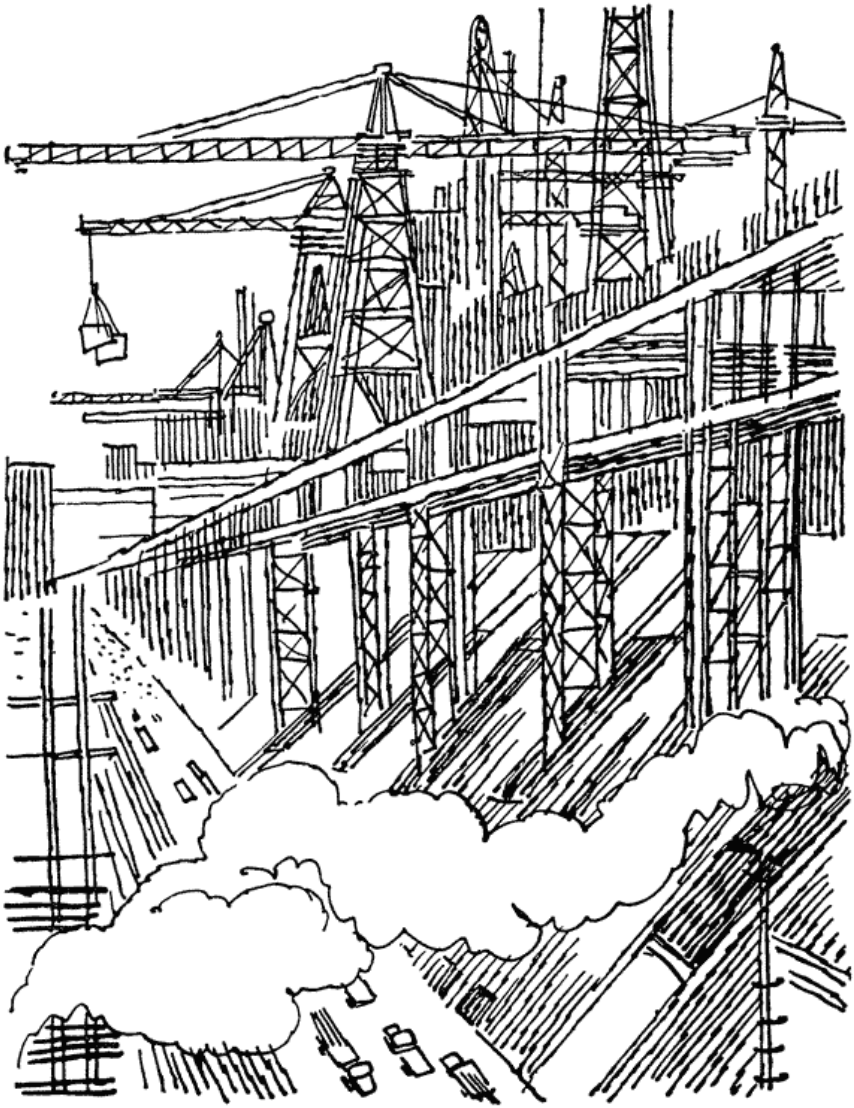
Только вы стояли на книжной полке, а я лежал в портфеле самого Синельникова. Вы умчались в библиотеку, а я никак не мог выбраться из закрытого портфеля, тем более, что его заперли в несгораемый шкаф. Положение казалось совершенно безвыходным. Но мне, как всегда, чертовски повезло. Неожиданно нагрянула бухгалтерская ревизия. И сердитый контролер, вскрыв портфель, дал взбучку Синельникову: «Как можно среди денежных документов держать книги?» — и с этими словами он выбросил меня на письменный стол.., Я понимаю, что вы уже давно в пути. Как только ревизоры отправились в дирекцию, я оседлал свое любимое ядро. И вы имеете удовольствие видеть на заседании клуба барона Мюнхгаузена, наполненного целым

ворохом самых правдивых историй!

— Значит, вы, любезный Мюнхгаузен,запомнили, что город называется Братск! А я, признаться, упустил из виду эту немаловажную подробность, — со вздохом сказал Гулливер.

Прихотливое течение сносило плот к правому берегу реки. «Кон-Тики» проходил вблизи от палаточного городка лесорубов. На всякий случай, чтобы не привлекать излишнего внимания, капитаны убрали парус с изображением перуанского вождя. Собравшись у правого борта, члены клуба с любопытством наблюдали, как на лесной делянке одно за другим падали огромные мачтовые деревья. С берега доносился грудной женский голос, перекрывая рокот трелевочных тракторов и визг электрических пил.

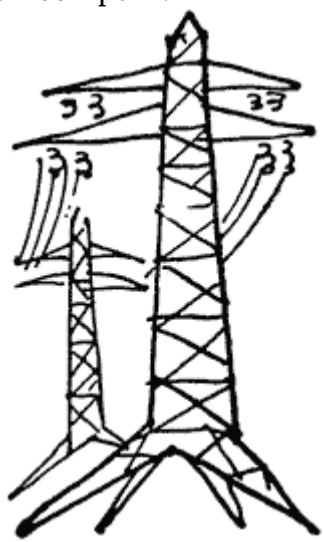
— Говорит Ангара!.. Говорит Ангара!.. Друзья!.. Будем знакомы! Я вытекаю из крупнейшего озера в мире — Байкала. В него несут свои воды триста шестьдесят шесть сибирских рек, но из озера вытекает только одна река. Это я — Ангара! Я прохожу тысячу восемьсот пятьдесят три километра и сбрасываю свои воды в Енисей. Меня зовут жемчужиной энергетики! На моем течении уже встали мощные гидростанции, образуя ангарский каскад... Иркутская ГЭС, Суховская, Тельминская и самая крупная — Братская ГЭС... Ее энергия может заменить мускульную силу ста сорока миллионов человек! Она могла бы обеспечить электричеством город на семьдесят миллионов жителей!..



Течение несло плот дальше... Голос Ангары звучал все тише и тише...

— Я вспоминаю недавнее прошлое, когда выжигали тайгу, взрывали скалы, переносили города и села, подготавливая ложе для Братского моря. Я, Ангара, должна была родить море...

Женский голос совсем уже затих в отдалении. Палаточный городок скрылся за изгибом реки.



На «Кон-Тики» возник большой спор. Барон Мюнхгаузен при горячей поддержке любимца Тараскона утверждал, что это говорит великая река. Они не находили в этом ничего удивительного. Мало ли чудес на свете, не говоря уже о нераскрытых тайнах... Им удалось склонить на свою сторону пятнадцатилетнего капитана и несколько поколебать Гулливера, напомнив ему о летающем острове Лапута и стране просвещенных лошадей — гуингнимов.

Но Василий Федорович и капитан Немо упрямо твердили, что это был человеческий голос, усиленный через мегафон.

— Да, именно... корабельный мегафон! — поддержал их Робинзон.

Но на самом деле это была детская передача Иркутского радиоцентра. Ее разносил по всей округе большой рупор, установленный на старом кедре возле стенда с газетами.

Спор, вероятно, продолжался бы долго, если бы Ангара не преподнесла путешественникам новый сюрприз.

«Кон-Тики» поравнялся с лесной пристанью, возле которой плотовщики сбивали бревна...

Из двух рупоров, украшавших контору лесосплава, гремела музыка, и мужской хор дружно пел песню о Братском море... Видимо, передача из Иркутска продолжалась... Песня так

понравилась капитанам, что они ее полностью занесли в судовой журнал. Вот она...

Тебя мы не знали
На карте вчерашней.
Судьба твоя, море, людьми решена!
Вчера здесь лежали
Покосы да пашни, —
Сегодня играет морская волна!
Где были недавно
Кряжистые избы...
Да к ним подступала глухая тайга...
Теперь на просторе
Чудесное море
Гуляет да ищет свои берега...
Здесь ночью зажгутся
Огни над водою,
Больших кораблей загудят голоса,
И чайки взовьются
Над синей грядою,
И яхты промчатся, подняв паруса!
Не в сонном покое,
А с бурями споря,
Легло ты на карте сибирских морей.
Эх, Братское море,
Так вот ты какое...
Желанное море советских людей!

Плот снесло на середину реки, и кругом наступила тишина. Дик Сенд и Робинзон подняли четырехугольный парус.

Гулливер в задумчивости обмахивался цветным платком.

— Скажите, любезные друзья, — неожиданно сказал он, — вы обратили внимание на несколько неожиданное обстоятельство — на берегу реки пели о каком-то новом море?.. Если я не ошибаюсь, его нет на географических картах...

— Да это же песня, — улыбнулся Дик Сенд, закрепляя шкоты.

Опустив подзорную трубу, в разговор вступил Василий Федорович:

— Я кое-что слышал о Братском море. О нем часто говорили мои читатели, но это были мечты... Кстати, вы не подумайте, что Ангара всегда такая тихая. Я не раз стоял на книжной полке рядом с книгой Галеева «Плавание по реке Ангаре в 1875 году». Вот что он писал: «И вот наступило самое большое испытание — Падун. Здесь вода мчится с бешеной силой и кипит, словно в

котле...»

— А что такое Падун? — поинтересовался Робинзон.

— Это один из знаменитых ангарских порогов, расположенных ниже Братска. Кроме Падуна, печальную славу имели пороги Похмельный, Пьяный, Шаманский, Долгий... Сейчас они все скрылись под водой... — ответил русский капитан.

— Очень жаль... — небрежно заметил Мюнхгаузен. — Я бы с удовольствием выкупался в Падуне или в Шаманском!

Величавая Ангара становилась все шире и шире, и вот, наконец, «Кон-Тики» плыл по реке, берега которой совершенно исчезли из виду...

— Капитан Немо, проверьте наши координаты, — попросил председатель клуба. И пока Немо при помощи секстанта и хронометра определял положение плота, Дик Сенд и Гулливер развернули географическую карту.

— Мы находимся на месте города Братска, с точностью до одной секунды! — воскликнул Немо.

Его слова произвели на всех очень странное впечатление, потому что плот покачивался посреди необозримого водного простора.

— Собственно, кто из нас Мюнхгаузен? Вы или я? — иронически спросил барон.

— Но по карте город Братск находится именно здесь! — пожал плечами пятнадцатилетний капитан.

— А когда издана эта карта? — спокойно переспросил Василий Федорович.

— Совсем недавно. В тысяча девятьсот пятьдесят девятом году, — ответил юноша, посмотрев на нижнюю кромку, где был обозначен год издания.

— Медам и месье! Разве могла географическая карта устареть за каких-нибудь четыре года? Никто в Тарасконе этому не поверит! — горячо возразил Тартарен.

— Могла устареть. По Сибири время шагает очень быстро. Почти как в сказке, — ответил ему командир «Коршуна». — Город Братск, куда мы держали путь, находится здесь!..

— Клянусь морскими миражами, у вас галлюцинация, — стукнул кулаком по ящику Робинзон. — Где здесь?

— На дне моря! — усмехнулся Василий Федорович.

— Какого моря? Мы же на Ангаре! — с оттенком превосходства возразил Мюнхгаузен. — Утверждаю как старый поборник истины.

Капитан корвета дружески похлопал барона по плечу:

— Истина мне дорога не меньше. Друзья, это уже не Ангара — это Братское море, созданное руками человека!..

И Василий Федорович поведал своим спутникам все, что он слышал несколько лет назад, путешествуя по этим местам с одной передвижной библиотекой. Тогда здесь еще не было моря. Берега Ангары соединял огромный железнодорожный мост с ажурными пролетами. А на правом берегу находился старинный город Братск. Его тогда называли — Братск-Первый. В последние годы эти Братски росли, как грибы, вместе со строительством. Всего их насчитывалось пять. Три Братска должны были пойти под затопление — это, очевидно, уже случилось. Братск-Четвертый находился у самого Падуна на скале Журавлиная Грудь, что на правом берегу Ангары. Он и остался на суше. А на противоположном берегу великой реки, на мысе Пурсей, был создан Братск-Пятый, или Постоянный. Между скалой Журавлиная Грудь и мысом Пурсей строилась гигантская плотина Братской гидроэлектростанции высотой в сто двадцать метров...

Слушая этот рассказ, капитаны любовались игрой волн незнакомого моря. Над водой кружили чайки, то и дело ныряя за добычей.

— То, что было полетом фантазии, мечтой, стало действительностью! — с восхищением произнес Гулливер.

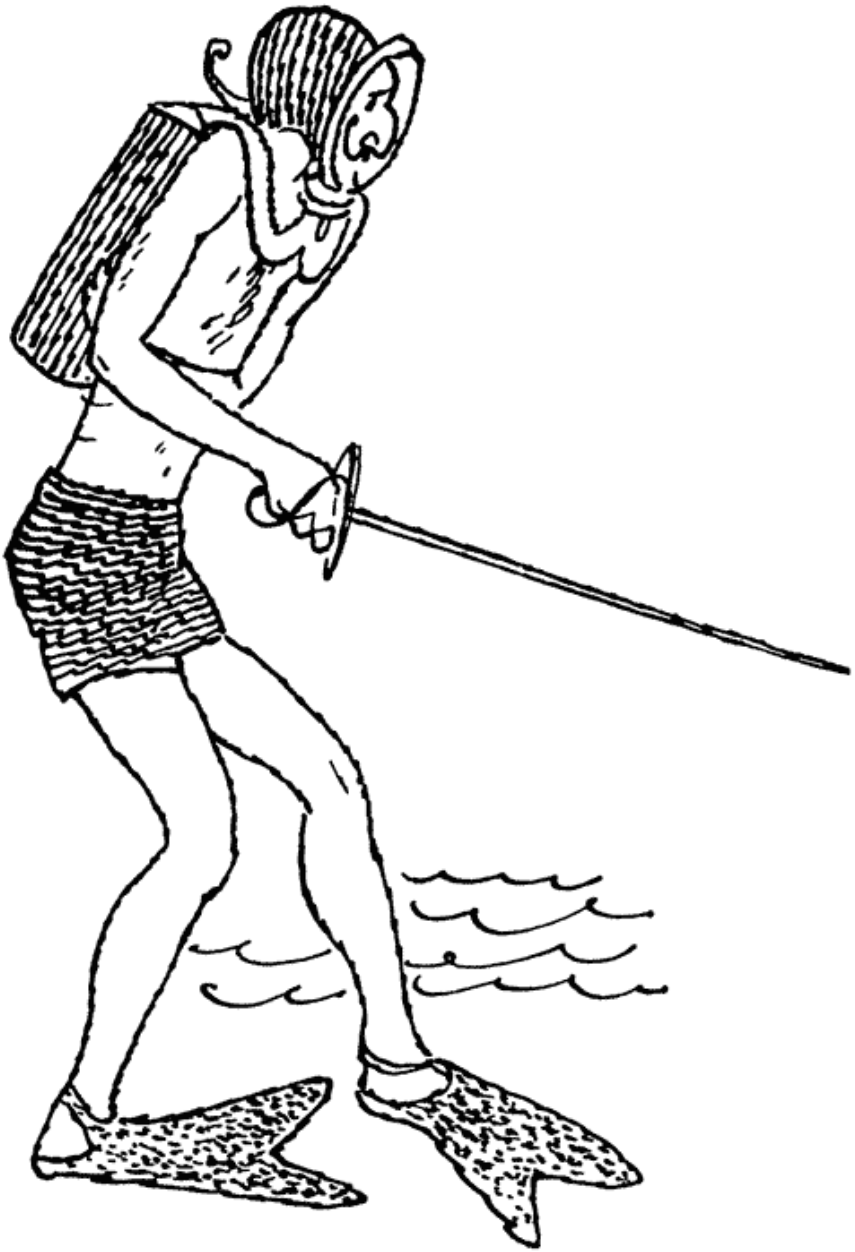
— Но, увы, то, что было действительностью — сокровище капитана Ермакова, — становится полетом фантазии, — с горечью заметил Тар-тарен.

— Не спешите, Тартарен, — возразил Немо. — Сколько сокровищ было поднято с морского дна! Но вот вопрос: в каком Братске покоится клад? В первом, во втором? В пятом? Где?

Капитан корвета наморщил высокий лоб.

— В завещании, видимо, указан самый старый Братск, заложенный казаками еще в 1631 году. Ни в каком другом Братске не мог родиться капитан дальнего плавания, потому что самому старому уроженцу второго, третьего, четвертого и пятого Братска недавно минуло шесть лет.

Оставался один путь к сокровищам Ермакова — опуститься на дно Братского моря. К счастью, в грузовых ящиках «Кон-Тики» нашлись аквалангi. Капитаны один за другим прыгали в воду, прихватив на всякий случай ружья для подводной охоты.



На борту плота замешкались только Тартарен и пятнадцатилетний капитан.

— Сударь, вы не запомнили адреса, указанного в завещании? — деловито спросил толстяк, надевая ласты.

— Я его занес в судовой журнал, — охотно ответил юноша. — Пушкинская улица, дом двадцать.

— Мерси! — крикнул Тартарен, ныряя в морскую пучину.

Дик Сенд последовал за ним, крича вдогонку:

— Во дворе... в каменном сарае... у старого дуба...

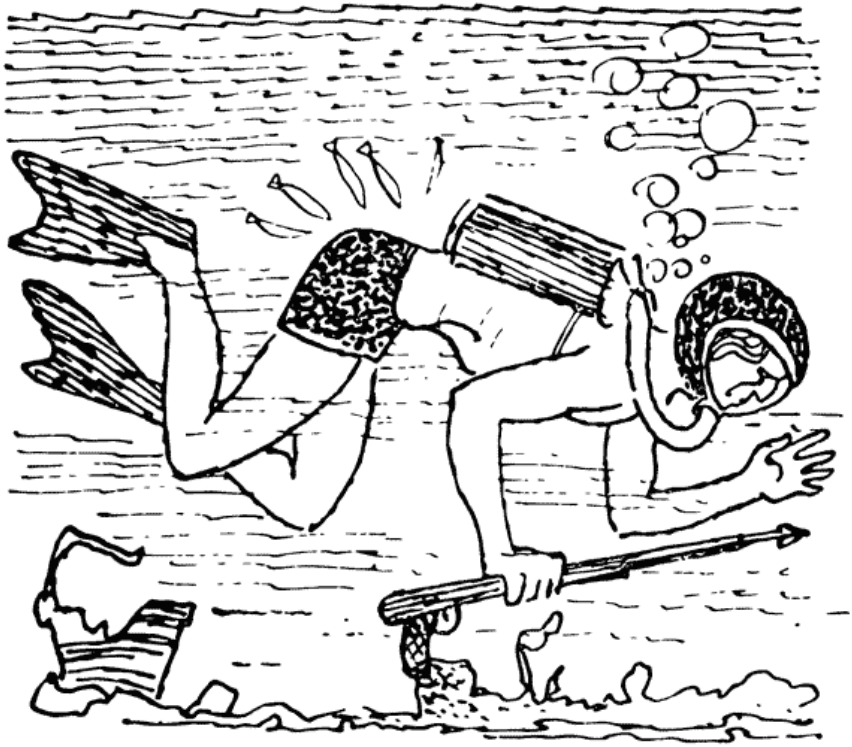
Медленно покачивался на волнах одинокий плот, предусмотрительно поставленный на якорь. Единственным наблюдателем на борту осталось изображение перуанского вождя Кон-Тики на спущенном парусе.

Капитаны быстро спускались на дно... Вспугнутые появлением нежданных гостей стаи мелкой рыбешки заметались по всем направлениям.

Более крупные рыбы вели себя солиднее. Они просто отплывали в сторонку. Так поступил байкальский омуль, серебристый осетр, пятнистый хариус и парочка усатых сазанов.

Члены клуба, цепляясь за водоросли, брели мимо остатков разрушенных фундаментов. Робинзон споткнулся о валявшуюся вывеску с надписью «Чайная».

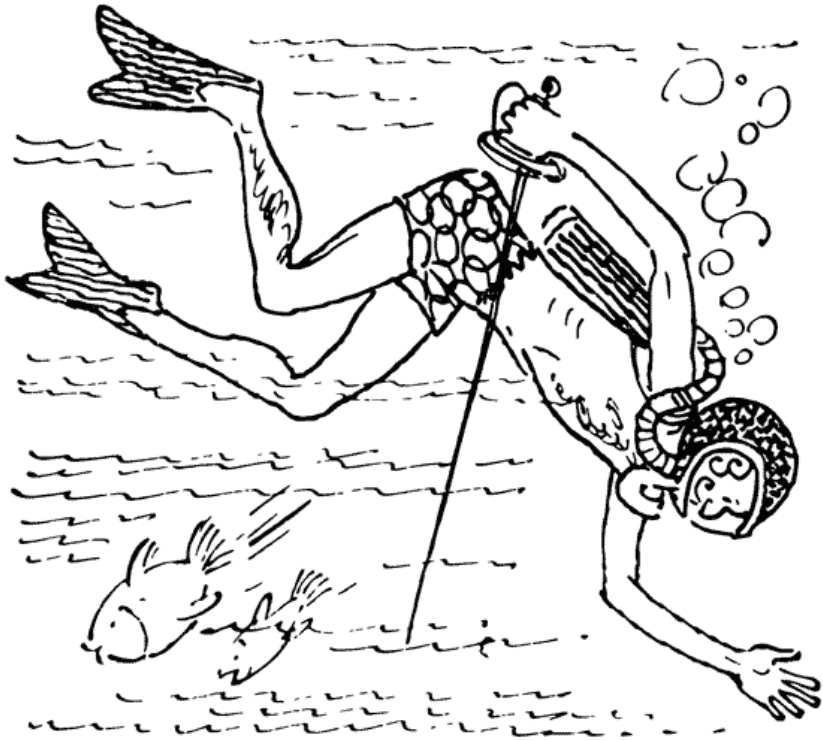
Немо нашел среди груды кирпича разбитую патефонную пластинку. При свете подводного фонаря ему удалось прочесть: «Подмосковные вечера». Слова М. Матусовского. Музыка В. Соловьева-Седого».



Капитаны с разных сторон подплыли к торжествующему тарасконцу и увидели покореженный кусок железа с разбитой электрической лампочкой. Сквозь зеленоватую воду маячил адрес: Пушкинская ул., 20.

Все сомнения исчезли. Они были у цели.

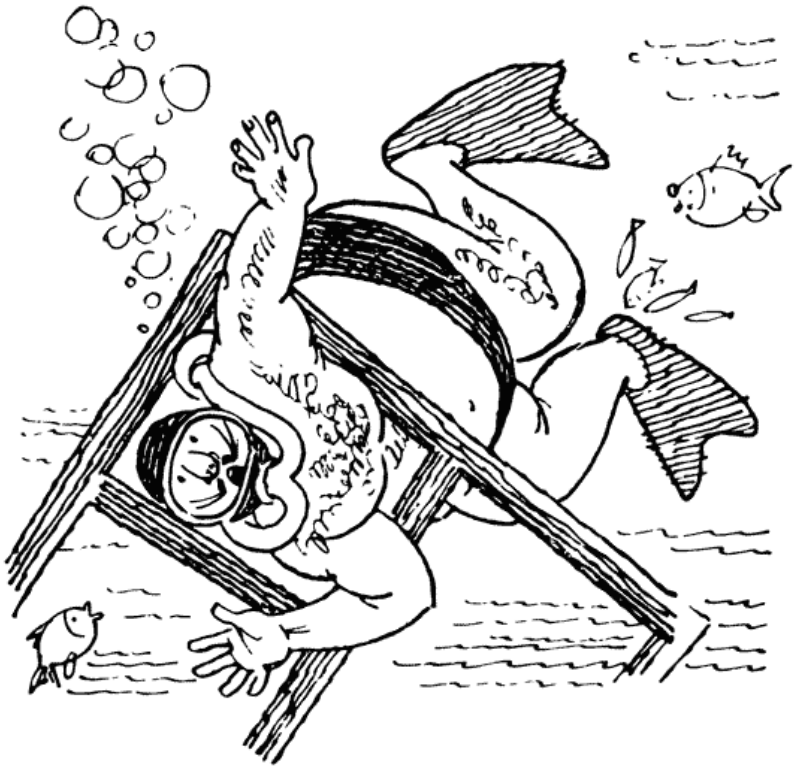
Необычайное возбуждение охватило искателей клада. Правда, никакого дома не было. Очевидно, его перед затоплением разобрали и перевезли на новое место. Но не дом интересовал капитанов.



Они искали каменный сарай и старый дуб. Дуба тоже не было, но сохранился большой пень. Его посчастливилось обнаружить Робинзону. А неподалеку от пня темнел полуразвалившийся каменный сарай...

По знаку Робинзона знаменитые капитаны бросились к сгнившей двери. Она рассыпалась на куски от легкого удара ноги Гулливера. Из разбитого окошка стремительно пустилась в бегство стайка молодых окуней.

Включив электрический фонарь, первым проник в сарай Василий Федорович. Горя от нетерпения, Тартарен попытался его опередить... Он вплыл в разбитое окно сарая, но зацепился ранцем с кислородным прибором за раму и застрял. Увидев толстяка в столь затруднительном положении, Немо и Дик Сенд поспешили на помощь и с трудом вытащили его за ноги.



Остальные капитаны уже были внутри... Лучи фонарей освещали пустые углы вместительного сарая. Мюнхгаузен подобрал поломанную лопату и начал раскапывать ил... Неожиданно лопата ударилась о какой-то металлический предмет. Все насторожились. Что-то блеснуло в мутной воде...

Неужели они нашли клад?

Но нет, Гулливер и Робинзон вытащили из-под ила лишь дырявое цинковое корыто.

Дальнейшие поиски были бесполезны. Очевидно, кто-то здесь уже побывал и, вероятно, еще до затопления Братска-Первого.

Что же произошло дальше?

К сожалению, несколько следуюших страниц судового журнала были размыты водой. Правда, вода в Братском море пресная, но эта часть истории поисков клада оказалась безвозвратно утраченной.

В этом следует винить Дика Сенда. Несмотря на советы друзей, юноша пытался вести записи во время разыгравшегося шторма.

Память сохранила только обрывки воспоминаний...

Страшная буря выбросила плот «Кон-Тики» на правый берег. Пришлось долго откачивать Мюнхгаузена, набравшегося не столько воды, сколько страха. Потом капитанам удалось

незаметно забраться в кузов грузовика, стоявшего у пристани в ожидании отправки в Братск.

Они долго ехали по шоссе через тайгу, быстро приближаясь к Братску-Четвертому...

Какова же была цель этого ночного путешествия? Найти Аглаю Петровну! Председатель клуба Василий Федорович был убежден, что после затопления Братска Первого сестра такого человека, как капитан дальнего плавания Ермаков, была с почетом переселена в Братск-Постоянный.

Запомнился один дорожный случай. В кузове грузовика лежали ящики с фабричной этикеткой — крем «Тайга». Тартарен утверждал, что это лучший бисквитный крем и предложил всем его отведать. Вы бы видели его лицо, когда он, открыв тюбик, лизнул пахучую светлую мазь. Как выяснилось потом, крем «Тайга» — это отличное средство от мошкары.

Но вернемся к дальнейшим записям в судовом журнале.

Глубокой ночью капитаны въехали в Братск-Четвертый, расположенный на скале Журавлиная Грудь. Они проследовали через этот городок без остановок и оказались на огромной двуэтажной эстакаде. Она протянулась над плотиной Братской ГЭС, соединяя оба берега.

По одному из этажей эстакады мчался поезд. Протяжный гудок электровоза далеко разносился над морским простором. А по другому этажу неслись легковые автомобили, автобусы,

грузовики и среди них наш крытый автофургон, груженный кремом «Тайга».

Притихшие путешественники, прильнув к маленьким окошкам, любовались ночной панорамой нового Братска... Братска-Постоянного!..

Перед ними, как в сказке, возникали кварталы большого города, опутанного гирляндами электрических огней.

Как только машина въехала на мыс Пурсей и капитаны очутились на левом берегу, они выскочили из кузова на повороте дороги.

Это был очень разумный поступок — дальнейший маршрут грузовика был им совершенно неизвестен, как впрочем, и адрес Аглаи Петровны.

Никто не знал, что делать дальше.

А вдали у причалов порта постепенно гасли огни...

На улицах Братска уже не горели фонари и не светились окна... И только гребень плотины с эстакадой были по-прежнему залиты светом.

— Ах, медам и месье, — грустно произнес Тартарен, — ночь быстро пройдет. На рассвете запоют петухи, и увы... нам придется вернуться на книжные полки... с пустыми руками!

— Позвольте уточнить, достопочтенные друзья, — грустно добавил Гулливер. — Посмотрим в глаза прискорбным обстоятельствам... Мы вернемся с неразгаданной тайной на борту.

Все приуныли. И только Василий Федорович не поддался общему настроению:

— Я хочу вам напомнить девиз нашего друга Сани Григорьева из романа писателя Каверина «Два капитана» — «Бороться и искать, найти и не сдаваться!».

— Клянусь моей борьбой с пиратами, я готов бороться!.. Но с кем? Искать! Но где? Тем более я согласен найти... И уж, конечно, не сдаваться! Но кому? — возразил Робинзон.

Вместо ответа прозвучал милицейский свисток. К ним приближался постовой милиционер.

— Свистать всех... куда-нибудь... — растерянно пробормотал бесстрашный охотник на львов.

— Кита! — прошептал Мюнхгаузен. — Мы все могли бы спрятаться в его чреве.

— Не привлекайте внимания... — тихо приказал Немо.

По знаку капитана корвета все члены клуба нырнули в боковую калитку городского сада.

Тревога была напрасной. Милиционер спокойно прошел мимо калитки. Его интересовал мотоцикл с коляской, видимо, нарушивший какие-то правила уличного движения.

Капитаны шли по пустынной аллее, оживленно переговариваясь между собой. Они никак не могли договориться о курсе своего путешествия по Братску. А каждый моряк, и даже юнга, знает, что проложить курс, не зная координатов, еще никому не удалось.

Вдруг их внимание привлекла какая-то старинная башня, сложенная из почерневших бревен...

Протерев очки, Гулливер прочитал надпись на мемориальной доске:

«Сторожевая башня, сохранившаяся от старого Братского острога, основанного в 1631 году».

Капитаны с большим интересом обошли вокруг башни.

— Мне вспоминаются строки из книги «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», — сказал Василий Федорович. — В давние времена он был сослан в Сибирь как раскольник и враг патриарха. Аввакум первый дал описание Ангары... «Горы высокие, дебри непроходимые, утес каменный, как стена стоит, и поглядеть заломя голову...»

— Протопоп Аввакум сидел в этой башне? — спросил Дик Сенд.

Русский капитан утвердительно кивнул головой и не без труда вспомнил еще несколько строк из старинной рукописи... «Посем привезли в Братский острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филиппова поста в студеной бане...»

Пока они осматривали башню, небо начало светлеть...

— Любезные друзья, пора возвращаться в библиотеку. Ведь наши читатели скоро проснутся, и возможны нежелательные для нас встречи.. — с сожалением произнес Гулливер, взглянув на циферблат своих часов в форме луковицы.

— А месье петух пропоет свое ку-ка-ре-ку... — добавил Тартарен.

Тут для всех стало ясно, что клада они уже не найдут. Все капитаны не скрывали своего огорчения, и только Мюнхгаузен не терял веселого расположения духа.

— Идея! — произнес барон. — Мы остаемся здесь, в Братске. Найдем какую-нибудь школьную библиотеку, незаметно встанем на книжные полки, а после захода солнца, когда часы пробьют семь, снова сойдем со страниц и продолжим поиски сокровища!..

Эта мысль всем очень понравилась.

В предрассветной мгле капитаны выскользнули из городского парка под самым носом у дремавшей сторожихи.

Спустившись по лестнице, они свернули в длинный коридор, стараясь не шуметь и прижимаясь к стенам... В конце коридора светилось единственное окно. Его стекла уже розовели. Приближалось утро.

И вдруг капитан корвета остановился перед дверью, украшенной мраморной дощечкой:

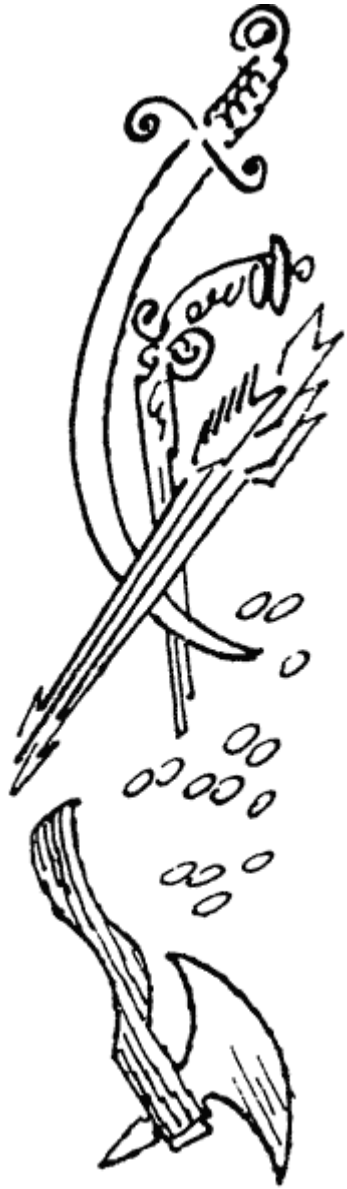
— Отдать швартовы! — скомандовал Василий Федорович. — Мы, кажется, у цели!

Капитаны вбежали в просторное помещение и застыли в большом волнении перед портретом старого моряка в форме капитана торгового флота.

Сомнений не было — это и был капитан Ермаков. И, действительно, под портретом в застекленной рамке красовалось его подлинное завещание. Председатель клуба подошел ближе и прочитал вслух: «Я, капитан дальнего плавания Иван Петрович Ермаков, находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю свои сокровища, собранные на протяжении всей моей жизни, той школе моего родного города, где больше всего юных моряков и путешественников».

Что же это были за сокровища?..

Выдолбленная из цельного ствола дерева индейская пирога, бивни слона, моржовые клыки, праздничный убор шамана, китайские карнавальные маски, разные идолы с далеких островов, пестрые кенте жителей Ганы и сари индийцев. На стене было развешено оружие — копья, луки, стрелы, бумеранги, щиты из кожи носорога, кривые турецкие ятаганы и абордажные топоры.



Большая стеклянная витрина была заполнена старинными монетами многих стран. Здесь были цехины, дублоны, талеры, пиастры, луидоры, дукаты и старинные русские червонцы.

Но знаменитые капитаны — не школьники. Вся эта драгоценная коллекция не привлекла их особого внимания. Подобные предметы им часто попадались на страницах романов.

Они были поражены другим — выстроенной вдоль окон флотилией. На высоких подставках стояли модели прославленных кораблей. Здесь были увековечены шлюпы «Мирный» и «Восток», на которых русские мореплаватели Беллинсгаузен и Лазарев открыли Антарктиду, корабль Беринга «Святой Петр», первым проложивший курс через Берингов пролив.

Вот «Святой Гавриил» — на нем подштурман Федотов и геодезист Гвоздев в 1732 году открыли Америку с запада. А на самом большом постаменте возвышались рядышком три судна: «Святой Михаил», «Три святителя», «Симеон и Анна». Это были корабли экспедиции Григория Шеле-хова, основателя русских поселений на Аляске. Его воспел в стихах Ломоносов, назвав «Колумбом Российским».

Следом за кораблями, на которых были совершены великие географические открытия русских мореплавателей, продолжали свой рейс в школьном музее всем известные советские корабли. Ледокол «Сибиряков» — он первым прошел по Великому Северному пути, вдоль берегов Сибири, за одну навигацию.

Ледокол «Красин», совершивший героический рейс в Арктику для спасения итальянской экспедиции Умберто Нобиле.

Атомоход «Ленин» — флагман советского ледокольного флота. Мирный атом движет этот гигант по морям, не угрожая ни воде, ни воздуху и ничему живому на земле...

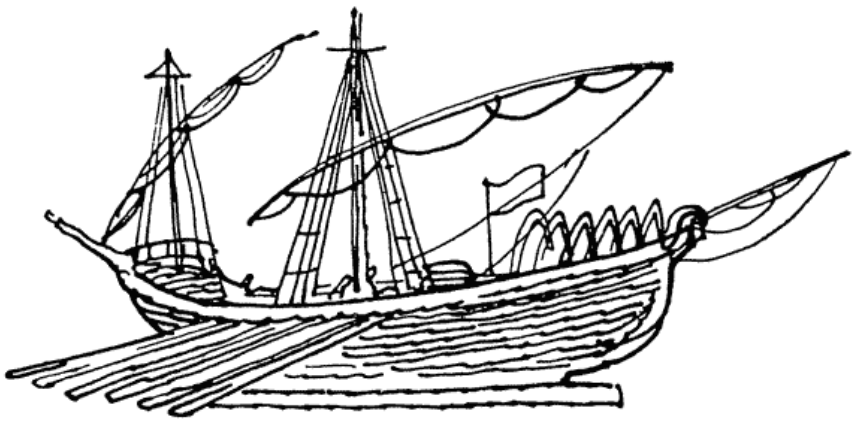
Капитаны молча любовались моделью могучего атомохода.

Тишину прервал взволнованный голос Гулливера:

— Самое драгоценное сокровище капитана Ермакова — эти корабли!.. Он оставил будущим морякам и путешественникам замечательное наследство!..

— Я готов расцеловать мадам Аглаю Петровну. Это она, только она, перед затоплением Старинного Братска все увезла сюда и свято выполнила волю своего покойного брата! — с чувством сказал Тартарен. — Мерси ей от всех мореплавателей!..

— Выходит, дело обошлось без нас... — подвел итог Немо. — Но я нисколько не жалею о нашем путешествии. Я лично узнал столько нового...



С ним все были согласны. Капитаны жалели только о том, что тайна этого путешествия никогда не будет раскрыта и судовой журнал не будет никем прочитан, кроме членов клуба знаменитых капитанов. Их размышления прервал звонкий крик петуха. Нельзя было терять ни секунды.

Капитан корвета бросился к витрине кружка юных художников и быстро отколол один рисунок — «Фрегат Паллада в открытом море». Этот рисунок был довольно точно перерисован с переплета последнего издания книги Ивана Александровича Гончарова «Фрегат Паллада».

Насколько нам известно, в истории морских путешествий не было подобного случая, как похищение из музея рисунка ученика 4-го «б» Шурика Кузнецова — но, увы, у капитанов не было другого выхода.

Василий Федорович быстро отдавал команды:

— Тревога! Всем на борт фрегата «Паллада»! С якоря сниматься] Курс на нашу библиотеку!

В ответ раздались переливы боцманской дудки.

По неспокойному Братскому морю мчался фрегат «Паллада» с вымпелом клуба знаменитых капитанов на мачте. Хотя свежий ветер заглушал прощальную песенку капитанов-, но можно было

разобрать ее слова...

— За окошком снова
Прокричал петух...
Фитилек пеньковый
Дрогнул и потух.
Синим флагом машет
Утренний туман.
До свиданья,
Вашу руку, капитан!..

Второй крик петуха застал членов клуба уже на библиотечных полках, возле раскрытых красочных обложек любимых детских книг.

Дик Сенд, закрывая за собой переплет, сказал на прощанье:

— И, как говорится в романах, продолжение следует...

В третий раз задорно, весело прокукарекал петух.

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Владимир Михайлович Крепс
Клементий Борисович Минц

СОКРОВИЩА КАПИТАНА ЕРМАКОВА

Серия *«Клуб знаменитых капитанов»*

Тетрадь вторая

Стихи С. Богомазова
Художник Ю. Молоканов

Ответственные редакторы О. Новосельцева,
И. Гольдфельд.
Художественный редактор Г. Коптелова
Технический редактор Е. Соколова
Корректоры С. Бланкштейн, Н. Пьянкова
Подписано к печати 3/XII 1963 г. Бумага 70×108¹/₃₂
Л92641 Печ. л. 4 (+2 офс. вкладки). Усл. печ. л. 5,6.
Уч.-изд. л. 3,9. Тираж 165.000 Заказ 4233.
Изд. № 761. Цена в переплете 26 коп.

Издательство «МАЛЫШ»
Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по печати
Москва, А-55. Бутырский вал, 68.

Блок отпечатан
в областной газетно-книжной типографии.
г. Волгоград. Привокзальная пл.
Обложка и вклейки отпечатаны
на фабрике офсетной печати. г. Волгоград,
ул. КИМ. д. 6.

Цена 26 коп.